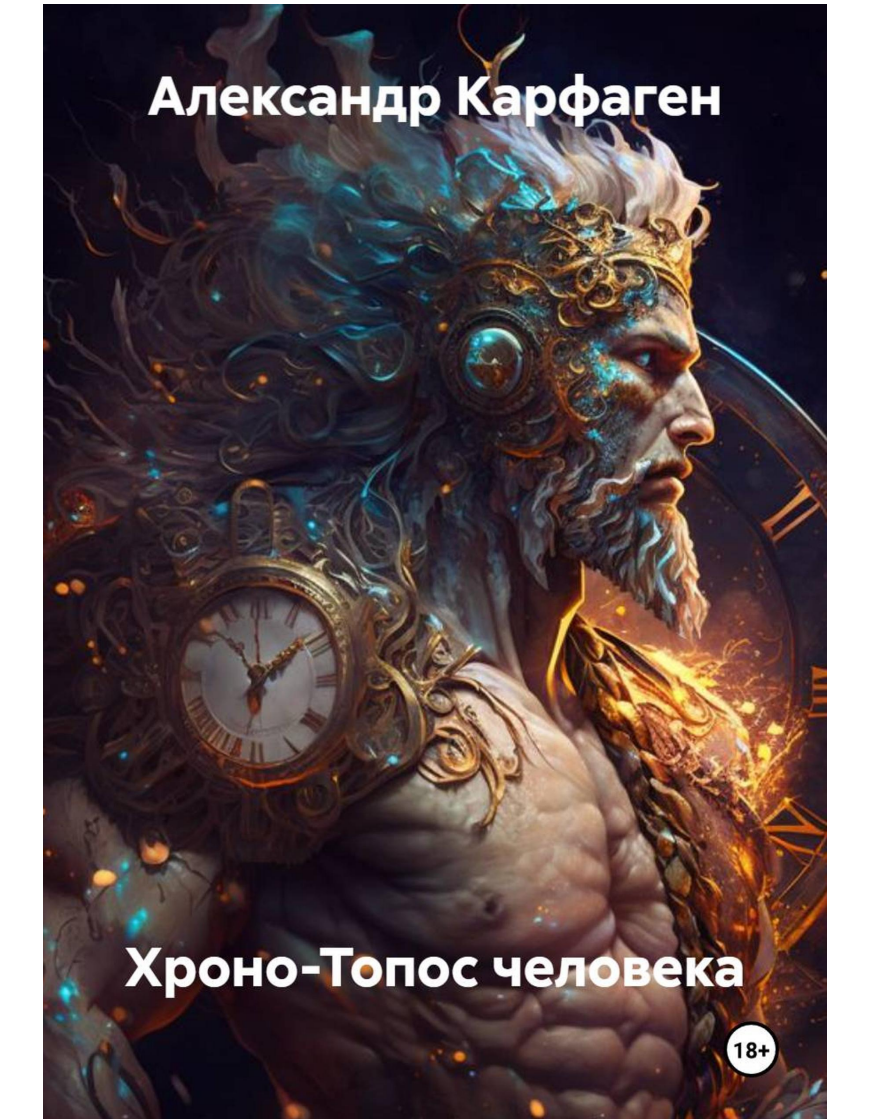

Александр Карфаген

Хроно-Топос человека

18+

Александр Карфаген

Хроно-Топос человека

<https://litres.ru/74667512>

SelfPub; 2026

Аннотация

В книге переосмысливаются время и пространство в хроно-топосе человека, в котором он представляем во вселенском состоянии с приоткрывающейся душой во встрече времени оттуда-сюда. Заявляется и манифестируется, что душа в духе опосредствует разум в «ничто» и из «ничтойной точечности» человек раскрывается, возвышаясь в душевно-духовном самостоянии. Предназначение человека, таким образом, усматривается обратно к познанию в мире сем. Оно конечно подмечается в самопознании как он «не есть» из вечности, но как таковое открывается во вдохновении с испытываемым возвращением к ней в конечной истине души из заблуждений наяву и предупреждений во сне. Постижение времени открывает возможности для человека в пространстве, которые достижимы в этом мире. Они и реализуются в свободах, а исключительно как свобода воли. Работа изложена из написанного в стремлении избавиться от рацио-, и антропо-центризма, а с ними и системо-созидания.

Александр Карфаген

Хроно-Топос человека

В книге переосмысливаются время и пространство в хроно-топосе человека, в котором он представляем во вселенском состоянии с приоткрывающейся душой во встрече времени оттуда-сюда. Заявляется и манифестируется, что душа в духе опосредствует разум в «ничто» и из «ничтойной то-чечности» человек раскрывается, возвышаясь в душевно-духовном самостоянии. Предназначение человека, таким образом, усматривается обратно к познанию в мире сем. Оно конечно подмечается в самопознании как он «не есть» из вечности, но как таковое открывается во вдохновении с испытываемым возвращением к ней в конечной истине души из заблуждений наяву и предупреждений во сне. Постижение времени открывает возможности для человека в пространстве, которые достижимы в этом мире. Они и реализуются в свободах, а исключительно как свобода воли. Работа изложена из написанного в стремлении избавиться от радио-, и антропо-центризма, а с ними и системо-созидания. Отсюда и невольно допущенные погрешности научного подхода, оправдываемые философским исхождением в открытом поиске как вопрошании (над собой в мыслях с их пропаданием в ничто).

Адресована профессиональным философам, а также ученым-гуманитариям, представителям искусства и литературы и всем читателям, интересующимся проблемой человека.

ОТКУДА ПИШЕТСЯ И НЕ ПИШЕТСЯ ПОЧЕМУ?

Никак я не могу писать помимо себя!

Н.В. Гоголь

-1-

«Кажется, что-то пробудилось, проснулось относительно себя и той духовной культуры, о которой размышлял, но не додумался...» (В «горьковстве» о Горьком после «сна». В смысле обретения какой-то позиции о «горьковстве», линии, ориентации, точки зрения на прошлое в Советской литературе).

Предрешения XX века для XXI...

Родился «оконеченный человек»... Он ощутил свою ограниченность. Не испытывал тягу к «космосу» после взлета в космос... То есть, конечно, и прежде были такого рода потуги-трансценденции, но теперь что-то произошло (со мной). Во сне... то, что должно случиться наяву. Момент выздоровления (душевного) что-ли?!

Вот сейчас пишу эти строки и знаю (не знаю), что было со мною. Но знаю, что будет! «Может человек будет звучать гордо»? (М. Горький).

Было ощущение ограниченности того, что было и усмотрение знания того, что будет, т.е. будущего как знания, =

превосхождения над ограниченностью того, что было.

Открытие себя в закрытости через расщепление (раскрытие) времени.

Тут нужна вставка-абстракция: со-временность или не получается, или не воспринимается в суе повседневности, потому что в этом и «тайна» человека. Иначе это будет «бред пресуществления». Но и не в этом дело. Это понятно, что человек не укладывается в его «заман». Но дело тут в другом: то ли куда зов? То ли откуда зов? Әйтеуір: басынды ізейсің, басынды көтересің неден?

Да, это, наверное, элементарная неукладываемость человека из пространства во времени?! Ну не хочет он быть только в пространстве, но еще и во времени хочет! А как это возможно? Здесь-то быть понятно, а как потом — это пойдй — пойми?

И что же это получается: все сводится к пространству и времени? То есть, с пространством как бы понятно, оно есть всегда и тут, а вот время? Даже теперь, когда пишем слово «время», неизвестно о чем говорится, а скорее «вещается»!

Пространство — время вроде намекает на человека. Да, может быть тут родовое основание «*homo sapiens*», но что-то все равно не хватает! Чего?!

Радикального поворота. На топос в хроносе вообще, чтобы хронос — из топоса и стал открытием в конце концов самого человека. Когда топос оказывается лишь бывшим или сдвинутым в прошлое, а хронос предстает как само будущее.

Когда нечто предвосхищается, то открывается время. Точнее, оно раскрывается как преодоление пространства. Время разрешается как вечность, в которой рождается топос, вновь и вновь ограниченный. Бесконечность — из вечности.

Но для этого и «нужен» сон как «индивидуальная вечность» (Борхес)?! 1

Открытия происходят во сне! В обыденности они не встречаются. Хотя и наяву можно быть как бы «во сне». Что и называется: «не от мира сего»!

Нет даже четырехмерного пространственно-временного континуума, а подчиненное времени пространство. Пространство лишь одно из измерений времени. То есть оно даже, внешне преимуществуя над временем, «включая» его в себя в «относительности одновременности», смещается из будущего через настоящее к прошлому вплоть до аннигиляции. И собственно пространство-то и нет, а есть только время? Вот тебе и М. Хайдеггер с его «Sein und Zeit»! И нынешний постмодерн! Где все рядом, все наряду. Разновременное одновременно. Время можно запрягать в упряжку времен. И кто же возница (кучер) этой упряжки? Не «программист» ли-бог, а упряжка — соответствующая совокупность информации, т.е. информационная обеспеченность? Цифровая технология?

-2-

Может быть! И это чревато опасностью для человека, но в которой-то и нужно искать спасения. Чтобы он не оказался

на обочине «прогресса».

Пока же нужно осмыслить или переосмыслить то, что вместе с человеком в мир приходит ничто. Уже в жизненных процессах пространство начинает тесниться временем. В психике оно еще сопряжено со временем, но в со-знании (как рефлексии) пространство уже подвержено элиминации. В душе отвергается телесность, подступает духовная субстанция.

Все секреты мирового устройства с наличествующим в нем «человеческим фактором» таятся в пространственно-временном континууме. Сам человек и есть бытие в сознании пространства как времени, что значит: в прошлом-будущем. Но при этом не из прошлого в будущее, что есть только потенциальность, а наперекосяк: из будущего в прошлое, что и есть настоящее, действительность. Истину мысль схватывает только так и только рефлексивно, подчиняя пространство времени.

Мы застаем себя не из пространства во времени, но из времени в пространстве. Пространство дано нам из времени. Само же по себе оно не может быть дано. Кантовская «вещь в себе» относится как раз к пространству как замкнутому на себя в трехмерности. Но ко времени же у человека вообще нет никакого отношения. Оно всегда в нас. Кстати, поэтому-то у Канта «человек-кривая тесина» из которой нельзя сделать ничего прямого 2 .

Да, но непосредственна ли здесь рефлексия от времени

к пространству? Гарантировано ли определение пространства из времени? Видимо нет. Это могут быть и заблуждения, и иллюзии о том, что «теперь и здесь» улавливается из какого-то настроения в констатации чего-то. Да и скорее это психология, не онтология. Да, мы застаем себя во времени, но чтобы при этом открылось нечто как пространственность, а не просто пространство, существенность, а не тело, предметность, а не вещь... видимо нужно что-то такое в этом «заставании себя во времени», что сродни с поглощением в нем нас по существу. Не тревога по этому поводу, даже не настроение творчества, а именно «быть у времени в плену» (поэзия) или это схватывается формулой заботы у Хайдеггера: «уже быть впереди себя...». Да, но кто это «Мы», которое застаёт «себя» во времени? Кто застаётся во времени? И откуда он знает, что застаётся во времени? — Из пространства! А «Кто»? — то что не некто, а то без чего я не могу быть теперь, а до этого мог! «Кто» — приобретенное, т.е. приобретаемое. Но это ведь и странно: застигаем себя в том, что приобретено, а откуда знать, что оно было приобретено, если не было известно?

У Л.Н. Толстого «смысл жизни откроется тому, кто тотчас же начнет его претворять». Но ведь и за этим маячит постмодернистский плюрализм, а еще пуще прагматизм. Нужна уверенность в себе, но откуда она? Откуда она возможна? Мало ли себя или, точнее, не много ли мы мним о «себе»? Но тут опять нас «язык» за нос водит или подводит! В «се-

бе» мы не имеем себя, а лишь его наименование. А где подлинное Я, «Бог его знает?» Разговорами тут не разрешиться. Ну нет его, этого окаянного «Я» в прописанном Я. И я между прочим присутствую в своем, так сказать, отсутствии в этом «Я»!

Это можно, негодую бесконечно продолжать, не находя тупика — решения. Но сдается: выход в том, что тут так называемое теоретическое исследование — в том числе-ли или в ином-ли философское, а оно уже не теоретическое во всяком случае — нужно заявить: научно-теоретическое доказательство нужно предварять в художественном творчестве! Только в нем обретается ответ на то: был ли «Я?» То есть, есть ли «Я»?

-3-

Есть: мы и мир?

Есть: мы с «миром других»?

Но еще есть: мир над нами?

Из которого и творится!

Отрицая «пространство-материю», дух-время обречено на то чтобы творить все новые творения. Точнее, на что дух еще замахивается — вот вопрос?! Не на пересотворение-ли им созданной твари? Вплоть до его извращений из превращений! Он может и «болеть» в своих тварях. Что явно в их духовных кризисах. Твари могут и выступать против творца, покушаться на него. Элементарно как тело против души. Алкоголь, наркотики и интернет-зависимость.

Кажется странным то, что в пространстве-времени заключено вопрошание о смысле жизни, об истине и т.д. Но согласно квантовой физике сознание там, внутри материи. Волны кванта или квантовые волны это и есть настоящее время, о котором у нас в обыденности только смутные ощущения. Но которое действительно «первично», без того чтобы из него следовало что-то вторичное.

«Куда бы ты ни пошел, границ психеи не найдёшь, так глупок ее логос» (Гераклит) 3 . Ну да, вырваться из сознания невозможно. Не оно в нас, по его сути (субстанциальности), а мы в нем вплоть до бессознательного, т.е. даже не вплоть, а именно в сознательности представляется бессознательное. Не душа в теле, а тело в душе. Это как бы «автоматика» сознания. В противном же случае сбой ее дает ломку сознания. Т.е. сознание бестелесное как сознание абстрактное, само по себе, «ложное сознание» как идеология.

Даже в самом пространстве до нас доносятся волны времени. Приснилось: дальний околок — ближе тоже что-то похожее на лесной околок, и что-то говорится, =кажется=, то что я вижу оттуда — издали исходит, и вижу тут — оттуда.

То-же самое. Писалось, что испытывалось, но важно, что искренне было и именно потому и писалось. Но это не повторяется. Выписалось и баста. И что же? Догадаться нельзя о том, что там было сокровенного и что не выписалось? Так называемая «невольность творчества»? А о ней откуда весть? Как о предмете рассуждений?! Что или кто ведет тво-

ей рукой вот теперь и здесь? Спрашивая: что и откуда? Почему пишется? Кто это пишет себя? И почему вообще он может писать... себя, о себе, про других и черт знает о чем еще?!

-4-

Борьба ни с чем не нужна, только с собой и притом за то, чтобы быть воедино... Я к тому, чтобы в себе иметь и Восток и Запад, и Юг и Север...

Но мысль эта была и убежала, а куда неизвестно?! Но что-то опять промежуточное, какой-то миг, в который попался! Какое-то промежуточное состояние, в которое впадаешь, но выбраться из которого невозможно. Впадаешь и не выбираешься?! Как это? Откуда впадаешь? И куда? И куда выбираться нужно? Ну понятно: это смутное состояние, в котором пишутся эти «безумные строки» или что-то еще?

Кстати, а что если вообще пишется в «трансе»? Т.е. когда воображение разыгрывается поневоле, откуда-то черт знает откуда?

Ну ладно. Все это может быть химеры. Но что, откуда — неизвестно!

— К чему все это?

— Чтобы разобраться в себе!

— Да, но в себе ли?

— А бог его знает? Он-то, наверное, и заставляет!

— А где свидетельство того?

— В том, что почему-то думается! А откуда неизвестно.

— А что, сударь, Вы писатель?

— Да не так чтобы, но вроде что-то того!

— Ну тогда действуйте! Давайте, давайте! Слушаем и делаем!

— Не знаю, что делать «по спросонью». Но может начать с того, что не делать?!

— А потом что...?

-5-

Тут вкрадывается русское и казахское (если оно когда-то существовало) межразличие. Кто мы — там и здесь, здесь и там? Пуповины связей, конечно, не разорвать, но и что, как быть с самоопределением?

Басқа тілде өзінді ашу! М. Әуезовтың бағыты. Жас тұлпар ұйымы. Ой-бай ай, тура осы керек емеспе керектігі!

Парадокс в том, что на одном языке не пишется. Даже когда кажется, что на одном языке, на самом деле на двух языках, по крайней мере думается вслух.

Бұл екі тілде қатар білім берудегі мәселе. Тура-тындаушылардың алдында! Бірге! Бірдей орысша — қазақша әңгіме жүргізу керек. Неге десең? Бір сөзбен (тілмен) жеткізу мүмкін емес. Әсіресе менің! Сондағы ана жақтағы орыс тілін қалай қабылдауға амал бар? Тыңдаушылардың? Оған күш салу керек қой. Әйтеуір мен айтқанымды басқа тілмен түсіндіруге керек сияқты.

Бұл аударудағы тілдің рефлексиясы, не тілмен рефлексия жасауы. Философияға үйренуге өте қажет. Аудитория-

ның алдында өзіңе тек қана көз салу тыңдау ғана емес. Олар арқылы өзінді қабылдау, бақылау, тексеру, айтқаныңа жауапты болу ғой. Мына жақтан орысша ана жақтан қазақша сенің ойларыңда кездесу. Бір ой туралы екі тілмен ұстап алу... нені? Тек келтірілген ойдыма? Жоқ мұнда ұсталына-тын (белгілетін, бекітілетін, анықталатын) болмыс емес пе?! Анау Хайдеггерді қолдасак: «Тіл болмыстың үйі» дегені бар. Сонда енше тек қана бір тіл жоқ. Көп тіл бір «болмыс үйін-дегі» өмір сүріп жатыр. Көрдiңбе оларды? Иә кездеседы ғой, бар ғой. Ал енше, тіл табу дегеніміз болмысты бірегейлі, бір «тілдеп» анықтауға болатын сияқты. Сонда ол барлық тіл-дердің тілі емес пе?

Әрине қауптікте бар ғой тілдердің бірі бірімен араласу-дағы. «Вавилон апаты». Ол туралы қазіргі заманда әсіресе абайлау қажет. Ондай апат жақындап келе жатқан сияқты. Информация арқылы. Міне тілдердің кездесуін күту керек. Шатасуын емес, бір бірімен байланысып, шиеленіп. Адамзат (барлық) барекендігін барлық тілдердің жөнінен ғана таба-лады. Міне демократия дегеніміз тілдің билігіне апару жо-лы. Және бір бағыттағы емес көп-көп бағыттардағы «Даоға» ұқсас, не Даоның тура өзі шығар?! Және бұл жерде Космо-политтің келбеті көрінеді.

-6-

Но это в будущем, а пока смысл за смыслом, код за ко-дом... Даже в «реализме» мы повторяем «повторы», никогда не соприкасаясь с реальностью. Какое там «авторство»?!

А то, что может даже, что постмодернизм и есть талантливость, для которой мир читается как «книга бытия»? В ней все знакомо? Все уже «написано», все есть «текст»? Хотя для гения «все не так»?

Так что постмодернизм ломится в открытую дверь?! Или одобрительно: постмодерн есть открытие, демонстрация, утверждение таланта? Как нормального феномена?

И мы всегда «поем» с чужого голоса. Вот тебе и источник твоих поисков — «с чего, почему пишется»? А знаем мы это и можем знать, опять-таки, с точки зрения Другого. Но почему же считаем, что от себя знаем? Откуда знаешь, что оттуда и что это за «оттуда»?

Ответ — в бесконечной, дурной рефлексивности или из незнания. Но при этом странно, что выход или выходы заключаются в текстуальности мира? Но и в то же время испытание «языкового барьера» вместо прежнего «познавательного» — теперь. Агностицизм сменился или сменяется «ано-ни(мали)змом».

Но он именно для таланта присущ. А для гения трансцендируется.

Все эти сентенции о том, что «не пишется» из того, что вообще испытывается постмодерн, т.е. он впитался — вписался в твой собственный опыт. Опыт чего? Опыт модерна! В нем вопрос «откуда знаю?» был прикрыт, а теперь и вовсе закрыт. До этого испытывались различные влияния различных точек зрения, мнений, вкусов, авторитетов и т.д. Вся эта суб-

станция срабатывала в тебе как субъекте. Причем стихийно. Неважно откуда, но важно, что зналось и писалось, хотя и со ссылками, с оговорками. Но спорадически. А, впрочем, может в этом все и дело? Т.е. собственно модерна-то как такового никогда и не было? Возрождение (эпоха) — последнее и окончательное заблуждение. Т.е. иллюзия возвращения — «трагедия рожденческого титанизма». И теперь оказывается, что вообще невозможны никакие «ссылки». Включая сюда весь креативный ангажемент: аргументацию, обоснование, защиту или критику, да и всю гносеологию, методологию, все мировоззрение в качестве функций философии.

«Ссылочность» вообще несостоятельна. Ответа на вопрос: «откуда я знаю?» — не существует. Т.е. если его ставить относительно каждого «знания», то оно невозможно как таковое. Знания «откуда-то» не существует. Т.е. оно и есть заблуждение. Почему Ницше ополчился против Сократа с его «незнанием»? За его рационализм, во имя иррационализма. Хотя это уже постмодернизм, представителем которого он себя не считал.

Ну так что же? Знаю и баста? Или вместо «субстанция-субъект» «субъект-субстанция»? Или не мир в человеке, а человек в мире... надобен теперь?

Но это простое переворачивание ничего существенного не даст.

Или в самом творчестве как феномене что-то должно быть переосмыслено, пересмотрено? Или даже не «что-то», а

радикально с идентификацией его в качестве бытия? Т.е. как бытие не избытия? Постмодерн — это и есть звонок-предупреждение о творчестве как демонстрации человеческого из чего-то нечеловеческого. Тут в пику Ницше и должно предстать «человеческое, человеческое, слишком человеческое». В этом смысле творчество не демонстративно, а может даже «тавтологично»?! Бытие из небытия — не порождение, не достижение, не представление даже себя, а безоговорочное предложение себя перед другими и Другим вообще.

Творчество тогда беспредпосылочно. В нем уже нет релеваций: человек — мир, мир — человек, а человек и есть мир, а мир и есть человек. Марксова «свободная индивидуальность», идущая на смену «отношениям личной зависимости» и «отношениям личной независимости, построенных на вещной зависимости».

Но ведь это «предложение себя перед другими» подозрительно? А не «обнаружение ли себя в другом» имеет или должно иметь место? Иначе это и будет обыденностью, повседневною, обособленностью или даже пресуществлением? Т.е. вопрос: откуда я знаю — находит ответ в том, «куда я знаю», «во что верю!» Происходит вообще хроно-топическая трансформация или переформатизация прошлого на будущее, местоимения — на место пребывания (имярек).

-7-

Мысль и есть слово, она же и с-мысл, и кон-текст, и под-текст, и еще черт знает чего-текст. Но теперь почему-то

именно все упёрлось в текстуальность? А что если и в самом деле именно в теперешней, но не всегдашней, «упертости», но не в абстрактной текстуальности вообще и заключается проблема?!

... Но это и означает окончательное (может быть) «доказательство бытия бога!» Т.е. Евангелие от Иоанна, где «вначале было слово...» — это самое пронзительное для нынешних homo sapiens откровение, пред которым им надобно наконец-то после всех искушений, заблуждений, словоблудий пасть на колени перед мыслью как словом или словом как мыслью? Слава тебе небесному программисту!

И этот самый homo sapiens, который втуне торчит в нас, обнаруживается «в» тогдашнем или «до» — тогошнем состоянии, т.е. присутствии?! Да, именно в присутствии. Именно оно-то и говорит в нас и через нас. Стихия Слова, не только в поэзии, но и вообще в том, в чем мы предстаем вовне себя — психологически, социально, исторично, пространственно, временно...

Т.е. пресловутое «внутреннее» не только беспредельно глубокое, но и вечное, т.е. бездонное и изначальное («безначальное», наверное не годится: тут видимо преимущество времени перед пространством?!)

Но это и есть философ в превозмогании над филологом, т.е. уловитель слова в преимуществе над слугой слова. И ему же поэтому приходится «метать бисер перед свиньями». Т.е. во власти слова быть из мысли или наоборот, в мыслях быть

из слов: но правда тут и корректность нужна: «... несказанных слов». Более того, мысль и есть несказанное слово!

Да, но тут ведь как: в начале было слово, но до того была мысль?! Быть-то слово могло лишь из мысли... о нем?! Но которое это слово по закону отчуждения (кстати, не это ли и есть всемирный закон творения (творчества)?!) забыло. Да оно и не могло быть произнесено (выражено, прописано...) без того, чтобы забыть, т.е. в забытии. Но тут, не простая религия, а веер забытий из одной и той же мысли. Поэтому-то и много слов, много языков. И они все рождаются и рождаются. А откуда вот вопрос?! Говорящий не знает!

Да, но тут вопрос: лишь слова ли хочется мысли или что-то там за словом ухватить? Муки слова, конечно, есть, но не в самих же словах дело, а к чему они ведут, куда тащат, как быть, откуда быть и т.д.? Тут знак и значение разнятся. Да, ну и так далее, конечно необозримое поле культуры как конгломерата смыслов.

Но, наверное, тут главное в том, что в смыслах слов говорит о себе предшествующая им мысль. Значит все-таки в начале было не слово, а мысль. Или откорректировать: слово «вначале», мысль «изначальна»? Да, но все это изощренность той же самой мысли, т.е. ее спекулятивность (по Гегелю). Когда она хочет быть самодостаточной, быть «в-себе- и -для-себя» ... Но может стать все как раз наоборот? И об этом-то и заявлено, что «все есть текст». «Слов нет», слово предшествует мысли. Вот где нужно копать или самой мысли

копаться в словах, чтобы наконец-то найти себя. Но сколько же может продолжаться это самокопание?!

Да, но все это требует и «перезагрузки» мысли в слове. Слово предшествует мысли таким образом, что оно поджигает мысль. Оно готово принять мысль, чтобы сбыться. А «все есть текст и ничего кроме текста» означает, что мир готов или предуготовлен к осмыслению, переосмыслению, доосмыслению. Он неумолчно, бесконечно и вечно жаждет мысли. А это и есть «деконструкция» (Ж. Дерриды).

-8-

Может даже «не пишется» оттого, что теперь уже испившись, наконец-то подобрался, сподвигнулся к сократическому состоянию. Когда не письмо, а речь, точнее речение требуется. И только оно уместно, чтобы не просто ухватить или уложить внешний мир, сквозя в нем в своей единичности, а владеть им будучи в нем как в между-мирье.

Но тут-то и появляется фигура Другого. Через него (в отношении к нему) мир не раскладывается, а испытывается. Экспрессионистски переживается. Но может и наконец-то обретается как мир человека. Но он и должен поддерживаться, выдерживаться в раз-говоре, вы-говариваться неумолчно. Чтобы совместность приходила к совместимости вплоть до совести, не говоря уже о понимающем со-знании, а не бесчувственной рассудочности. Кстати, «философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» Маркса, нужно и можно трактовать

именно в этом смысле, что он должен быть обретен человеком 4 . Как что? Как речь, точнее со-общение. Но тут-то и преуспели идолы пещеры, рода, рынка, театра или бесы цивилизации в виде технологических средств сообщения. И мир нынешний теперь в зауми мировой паутины, где говорится что угодно и о чем угодно. То есть опять цивилизация опередила культуру в ее потугах вдвинутся в мир...

Иисус был в свое время, то есть в начале этой эры распят, призывая к небесам. Сократ же, невинно казненный, теперь повторно испытывает унижение тем, что ставится или уже поставлен на голову информационно.

-9-

В преподавательской деятельности отдаешься, отдаешься в лекциях, занятиях кажется до конца. Ну и что, сопровождают ли тебя овациями по окончании?! Ты-то сам уходишь как «побитый пес»?! Как киник Диоген?! Знаешь, что отдал, выдал себя, постарался, но почему такое равнодушие...?! И каждый раз?!

Конечно, «перед свиньями бисер метать не нужно», то есть бестолку, но как вообще-то быть перед другими?!

Да никак, пошли они к черту...! Вот так! «К твоему черту», между прочим! Кажется потом, что они на это конечно не согласны будут и не пойдут. Но авто-матически этот принцип действует. В смысле: мне достаточно того, что вам «недостаточно». Я вас могу взять в оборот независимо от того, хотите вы того или нет, в смысле «пошли вы...», хотя «и

не посылаешь»! Ваше унижение допустимо до того, что я его допустил, т.е. допускаю до возможного, а значит случившегося, что вы не можете вытерпеть, но что «не бывает», а случилось и теперь даже поздно, так-то!

От того и впечатление, что «бисер мечешь перед свиньями», что в обыденности нет места «высоким материям» философии. И чем искреннее, неистовее пытаешься добыть истину, тем отчаянней ситуация. Хоть «кол тещи на голове»! Невидимый отпор, стена непонимания поднимается и поднимается.

Но бывают и исключения. Редко. И редится. Где себя-то, наверное, и встречаешь?!

Ну, наверное, это и есть несоизмеримость поколений. А откуда и куда она идет-ведет, впрочем, неизвестно. Глупеет или умнеет человечество, бог его знает! Но может быть выход есть в том, что по поколениям-то так оно и есть, а вот по человечеству и одинокости не совсем так. Т.е. противоречие это не межпоколенческое, а именно в разрывающейся общечеловеческой текстуальности — ткани, на свободные от нее индивидуальности?!

Элементарное: «в своем отечестве пророков нет»! И быть не может, и не должно, наверное. Все путем, все нормально, формально. Не получается: «лучше быть недовольным Сократом, чем довольной свиньей» (Дж. Ст. Миль).

Идет видимо, общечеловеческая деградация. А не только Европы, по А. Шпенглеру, и элементарно это нужно учиты-

вать в аудитории, где сидят «кто их знает, кто такие?!». И не понимают, о чем ты им говоришь, потому что они не того же уровня, из которого ты им вещаешь. Они или уже про-ско-чили, или не до-стали того, что ты испытал... В чем, вот вопрос? Не пережили того, что пришлось пережить. Ну, разумеется, не в эмпирическом отношении, а в духовном. Отчего...? Но «руки не тянутся к перу...» От того, что они теперь тянутся к кнопкам компьютера, смартфона. Они не переволновались тем, что должно было волновать по смыслу жизни и т.д. А ведь ты им предлагаешь как истину именно то, что было испытано, то есть (странно это?) свою эмпирию(?) Т.е. вот тебе и тема «отцов и детей». Она неумолима. «Юность есть вездесуд» (К. Ибсен). Учить — значит мучить. Даже во имя благих пожеланий!

А что если человечество в обыденности нормально глупеет? В технико-технологических достижениях как «поставе» (Хайдеггер)? 5 Было местами, а теперь повсюду! Не обреченность ли?

-10-

Но все-таки в вертикали бытия трансцендентальное опирается на подъёмах, возвышениях, позовах, зовах... Надеждах-радугах взаимоотношений людей, оформленных в цивилизации — культуре лучами света из запредельного мира. Так что это в сем мире недоступно в соотносительности, соравности особей, хотя тут же, на каждом шагу ухватывается в радугах-надеждах, в раскрытости воображений, в фонта-

нировании фантазий, туда-туда, откуда свет!

Обыденная плоскостность духовно искривлена вверх, выдуженна-выбугренна. И в том со-держательна. Отсюда и вся иллюзорность властности, богатства... Вообще цивилиности, что она ниже всякого основания и даже не имеет оснований. Это мосты в ничтожности уравненных в неравности особей из космической открытости, из внеземного пребывания. Оттуда — мы отпавшие, выпавшие, пропавшие: отсюда — нужно родиться, проснуться, восстать!

Впрочем, это, наверное, и нормальное состояние. Мы каждый день и просыпаемся: күннің көзінде! Вот это и есть «геометрия мира людского». Что-то вроде «пересекающихся-расходящихся параллелей», душевно-духовных существ. Да и «не от мира сего», что глобально закругленно! Оно не обособленно, а всеедино.

Вот когда пространство дышит временем! И когда материя — в духе!

Да, но и значит, что-то должно долженствовать, т.е. «вверх-вниз» не встречается, его нужно творить. Обволакивая круглую землю, человечество не является ее «округлой кожурой», а субстанцией-субъектом, тотальностью-индивидуальностью... Земля есть человек и человек — это Земля в бесконечной вселенной от пантеизма до натурализма.

Это наша Земля и мы без нее ничто. Может даже... предлагаем себя всему остальному, возможному Космосу в качестве к тому же необходимо дополнительностной части. И в

этом спасение?!

Сверх-надежда человека в том, что он космополит, из чего он и должен, и может заговорить!

Часть I

СЛОВО О ХРОНО-ТОПОСЕ ЧЕЛОВЕКА

Раздел

I. ХРОНО-ТОПИЯ

1. Космополитство в схождении цивилизации,

культуры, постмодерна

Поперечные информационные сети нужно бы не просто пересекать в распятии существования (вправо-влево, вверх-вниз), но и не в «шоу-звездности», что уже делается, а в многополярности бытия утвердиться каждому индивиду; единство его (неделимость) должно в многообразии предстать. Как в том мультфильме: «Ежик в тумане»!

Каждому индивиду — не личности, не индивидуальности (в способностях, таланте, гениальности) — вопреки (или по зову) племени, этносу, страту, классу, профессии, гендеру, ареалу обитания и т.д. — быть гражданином мира. В интернете в виде негативной фигуры «потребителя» он уже гуляет.

Единство человека не в самодовольном утверждении себя во все новых измерениях, открытиях себя в несказанности

с превышением других, а нахождение, обретение в многообразии других: от признающих их законов цивилизации, общительного взаимопонимания в культуре, до непротивления в постмодернистском склонении.

Все пришло в движение, но оно скорее броуновское, а потому и трещит цивилизация, рушится культура, наступает постмодернистский плюрализм.

Мир спасется в исповедании философии космополитства, где будут переосмыслены законы, основания, устои цивилизации, сохранены тайны, ценности культуры, испытаны воления постмодерна, то есть вместо разрыва цивилизации, культуры и постмодерна требуется развить их единство. А это и возможно в обретении космополитства каждым индивидом: вот где живое единство в многообразии. «Egalite, fraternite, libernite» Великой французской революции вновь или доподлинно впервые заработает! Но тут не может быть нравственной сентенции, чтобы гражданин мира был человеком, надобно и даже жестко необходимо, чтобы человек был гражданином мира по настояниям цивилизации, зовам культуры, пыткам постмодерна.

То есть «гражданин мира» не совсем при этом гражданин с соответствующим удостоверением личности в кармане, а открытое на мир существо. Да и не «Адам», не «Ман», а русское «Чело-век». И именно в своей пространственно-временной, исторической, психологической, соматической и т.д. ограниченности, замкнутости, единичности

— открытый или раскрывающийся на космос-природу, на других вплоть до первотворца.

Ну и как все это будет работать?! А ведь к тому же и, во-первых, и во-вторых, и в-третьих соответственно не после одного другое, а должны иметь место быть одновременно все ипостаси космополита? Связи — грани между ними представлять, но дело даже не в них. Они, конечно, есть несмотря на их различия и даже противоположности, но что именно одновременно в них предстает и реализуемо в космополите! Что нужно отбросить и что сохранить, чтобы именно космополит «заработал»!

Может быть тому и есть уже исторические прецеденты?! Да и наличные в нынешние времена проявления! Да, но как такового космополитства в прошлом не было, но были отдельные исторические фигуры космополитов: сын божий Иисус Христос, Мухаммед, Будда, то есть основоположники мировых религий. Были титаны творчества в культуре, особенно в эпоху Возрождения. Были полководцы, политические деятели, нравственные учителя человечества. А вот относительно постмодерна как? Тоже были: Ницше, Джойс... Но все-таки во всех трех ипостасях космополитства не было. А в современном мире как? Относительно смычки цивилизации и культуры есть: М. Ганди, Тейяр де Шарден, Альберт Швейцер и многие другие.

Но все-таки космополитство еще не наступило. Тут неувязки с постмодерном. Хотя, наверное, какие-то подвиж-

ки есть в смысле постиндустриализации и «зеленой экономики» и т.д., однако вопрос: а так ли уж уместен постмодерн? И почему именно для подлинного космополитства? Тут кажется дело в так называемой «креативности», кстати стихийно распространяющейся все более в цивилизации — бизнесе, технологиях, шоу, моде и т.д. И тут похоже на то, что из самодовольного, самоограниченного, упертого в себя модернизма появляется «креативность» как сублимированное творчество. От эрзац-суррогата до «цветов зла». Объяснимся.

Кто виноват и что делать? Чему нужно сказать «прощай»! — в модерне — модернизме — модернизации — и что из него выволить?

Индивидуальность человека проявляется, выражается и утверждается в способностях, таланте, гениальности. Способности естественны и многообразны. Практически в бесконечных отношениях к миру (среде) человек использует себя. Талант (от денежной меры в древнем Египте) означает нахождение себя человеком в окружающих вещах (предметах) — «и это я, и это я», то есть предстает мерой вещей. А гений это все ломает: все не так как надо. Нужно все переделать, начать сызнова. И вот тут возникают вопросы. Положительно все это реализуется в «свободной индивидуальности», о которой мечтал К. Маркс. Но была ли она в истории! Или только ее эрзац — случайная индивидуальность? Если так, то в способностях человек хромал, «нас унижает

наш успех» (я не устаю повторять Рильке), в «таланте» бредило пресловутое Протагоровское: «человек — мера вещей, существующих, что они существуют, не существующих, что они не существуют» 6 . А «гений» — что! Кстати, откуда он знает, что все «не так»? Потому что он сам «светоч» нового мира: то есть из «в-себе и для-себя» (по гегелевски). А по Фейербаху, гений наказывает человечество на исполнение его идей. Тут-то относительно гения, так сказать, «напряженка». «Благодетелен ли он»? Возможен ли добрый гений? Или он реализует себя как злой гений?

А добрый — несостоятелен? Бессилен? Да, но одиночество, во всяком случае, такие реально-исторические гении испытывали при жизни, современники их не понимали, не принимали за такового, да и мы ныне тоже. Они где-то в будущем маячат. Тривиальное: в своем отечестве пророков нет!

Но откуда же берется тогда «злой гений»? Случайная индивидуальность, конечно, от природы, начиная с ДНК, РНК. Но в рассудочных, расчетливых отношениях цивилизации он так и остается на всю жизнь «политическим животным». Аристотель тут попадает не в бровь, а в глаз, хотя «*Soon politikon*» переводится как «животное общественное». А какая разница, все равно «животное», скажем теперь мы!

Вот тут-то может быть бессознательное (но не по-фрейдистски) и появляется или накапливается в нереализованных способностях, заглушенном таланте и срабатывает ге-

ний злой. В его мести миру как «утверждению воли к власти». Ницше тут прав, если не вообще, то в отношении злого гения точно, а кто еще до сих пор творил историю? И все в условиях товарно-денежного фетишизма и всеобщего отчуждения, а, главное, само-отчуждения человека, если можно говорить о человеке? Как у М. Горького: «а был ли мальчик, может мальчика-то и не было», так и здесь: а был ли человек, может и человека-то не было?! Это не сентенция, а в самом деле горький вопрос.

И случилось, что случайная индивидуальность брала свое. По большому счету, хотя и по-маленькому тоже. «Выдающиеся примеры» из истории. Император Нерон, подвизавшийся как актер на сцене, а потом поджегший Рим и умерший, приказав рабу убить себя, что это? Может впервые так странно или смехотворно (хотя тут и не до смеху?!) предстало космополитство?! То есть кроме власти, искусства был прихвачен и постмодерн.

А Гитлер, который испытывал тягу быть то ли фотографом, то ли художником, развязал вторую мировую войну. Вот вам настоящие фотографии, подлинные картины мира, каким он не есть, а должен быть по его вкусам. Ему мало рейх-канцлерства, подавай «творчество» (понимай-креативность)! Да и Сталин еще в духовной семинарии пописывающий стихи, сочинил и претворил, искорежив социализм, тоталитарную драму в жизнь. Хотя и прикрывался именем народа, простого советского человека. А ведь и это действие

от постмодерна. Но стало быть постмодерн реализуется из культурологической сублимации в «цивильности»?

Да, мы обречены на космополитство, а не только должны быть космополитами. Я привел громкие, негативные примеры космополитства. Но ведь и в обыденной жизни в повседневном существовании мы утверждаем себя из обособленности в подозрениях, зависти, ненависти, оскорблениях вплоть до мата, преступлений перед другими и даже перво-творцом, то есть современность при этом даже очень «легко» подстилагается. И я устраиваю свой порядок в мире. «Помилуйте», возразят мне, «причем здесь космополитизм»?

«Не хлебом единым жив человек, но и мясом хороших ягнят»! — шутил Ф. Ницше. И его же: «любви к ближним и вещам я предпочитаю любовь к дальним и призракам» 7 . Правда, что это за «любовь» — непонятно? Скорее это и не любовь, а испытание несовместности и неуместности всего «теперь и здесь». А библейское: «домашние-враги человека»?! А у Шекспира для полусумасшедшего Гамлета: «какая-то гниль стоит в королевстве датском»! Потому что ему является дух отца. Для остальных все нормально, а для Гамлета нет. А у Достоевского сетование персонажа: «если бога нет, то какой же я штабс-капитан»?

Современность и современники нас не устраивают, а потому мы и действуем из постмодерна. А поскольку это происходит в лоне культуры и способами, средствами цивилиза-

ции осуществляется, то мы и космополиты. Постмодерн — это не что-то трансцендентальное философски относительно нынешних порядков в мире, а то что им предшествовало (см. дальше).

А можно уже и теперь и фантастически выразиться: человечество пришло из космоса! Но фантастики собственно здесь и нет, просто в нас должен быть заложен — превышающий насколько, бог его знает, достижения культуры, а тем более порядок вещей в цивилизации — космический уклад жизни. Правда, по открытому в науке геному человека существенного отличия от генома мушки дрозофила нет. Но может потому-то он и укладывается в существующие порядки вещей, а если не укладывается? То откуда, почему и из чего?

Вот опять же одиночество гениев, в чем его смысл? Были и такие, которые накладывали на себя руки. В русской культуре это С. Есенин, а В. Маяковский, осудив его: «Вы такое погибать умели, как никто на свете не умел... Вижу взрезанной рукой помешкав, собственных костей качаете мешок»; сказав это, сам застрелился и тоже, странно, в гостинице. М. Цветаева покончила с собой. Не могу не привести ее размышления над собственным стишком: «и пусто на сердце от снятого урожая». Она думает, что это удача или успех? Приходит все-таки к мысли, что это успех. Неужто опять Рильке «работает здесь»? У Маяковского причина суицида — вера в коммунизм, то есть потеря ее. Но в экзистенциальном ключе такой трагический конец гения можно трактовать и

как оправдание своего творчества ценой смерти, потому что, существуя наряду со своими творениями, он для со-временников их заслоняет. Да кто он такой?! Вот что называется: «смертью смерть поправ»! Пришедший из мира иного (но не из этого же!) возвращается в него. Но гении не умирают, на них держатся своды космоса.

Ну хорошо, гении-то и есть космополиты. И нужен не «космополитизм» как учение, в котором игнорируется этнос или этос. Как говаривали раньше: «без роду, без племени и без царя в голове»! Не это требуется в современном мире. Со-временность так не дается. Модерн как творчество возможен только из мира иного, чем мир современности, это было давно известно и в философии: «идеи» Платона, «дао» в даосизме; и в художественном творчестве — божественное вдохновение; да и в психологии — мистерии шаманов, ведание ведьм. А ныне вон развелось экстрасенсов. Кто они, что они, откуда они? Все ли достойны экстрасенсорики? Наверное, все так в повседневной жизни усложнилось, что они стали более востребованы. В науке все больше тупиков образуется, потому-то даже великий М. Борн говорил: «теперь человек повсюду встречает самого себя». Правда при этом он не тупики обозначал, а имел в виду основания квантовой физики, где присутствует что-то похожее на человеческую психику.

Но гениями не становятся, а гениями рождаются, а что же остается простым смертным? Лишь хулиганить, пере-сту-

пать, нарушать общественный порядок? «Украл, выпил, сел в тюрьму! Романтика»! («Джентльмены удачи» — кинофильм). Или наоборот «Мой дом — моя крепость» (англ. поговорка). Тут я и сам грешен, что же делать? Приходится возиться, хлопотать по дому и невольно об улитке можно подумать, которая носит домик на себе и иногда сбрасывает. Вот создание!

Цивилизация, культура, постмодерн? Но кто над ними думает, чтобы в их сцепке обрести космополитство за исключением выдающихся личностей? Да к тому же они непременно предложат человечеству свое «учение»? А ведь до этого говорилось об индивиде, причем каждом, до которого в его не-делимости должно доставать космополитство? Но космополитизм в лучшем смысле возможен в виде даже учения, нарративе-повествовании (Лиотар) 8 . А космополитство допустимо как душевно-духовное состояние человека. А что же делать? Но надо и дойти до каждого, простого и даже не для того, чтобы просветительски пробудить. «Оян казак» (Проснись казах) у М. Жумабаева, да и у представителей «Алаш орды» — основная установка. Но все же космополитство в большей мере — это образ жизни. Есть прописные истины, а есть правда жизни, есть «стандарты красоты» («90–60–90» для женской). Есть расхожая мораль против «аморали», слово, придуманное христианами теологами и означающее буквально любовь между полами (амур), не достойная человека (О. Сулейменов). Но есть и сама ис-

тина (aleteia — непотаённость у М. Хайдеггера), есть и добро, которое «не валяется в ногах», то есть не сведено к вещам, деньгам, а есть и «красота, которая спасет мир» (Достоевский). Есть честь, совесть, стыд, ответственность, самоотверженность, есть многое в нравственно-эстетических отношениях, чему нельзя научить, а что и «в крови», и в предназначении человека как космополита.

Но простой человек, кто он, что он? Как он может быть космополитом?!

Да ведь и «простота — хуже воровства»? Но и другое: «все великое — просто»?!

В первом — сведение всего и вся к себе, во втором — индивид предстает человеком. Даже не миром, это для ученых, художников, а именно человеком в своей неделимости. Среда его все делит и делит... Он и делится, конечно. «Ежик в тумане» пропадает в тумане.

Почему «цивилизация, культура, постмодерн» опять-таки, потому что в них человек распадается, но в них же он сквозит! А где же еще?! Ну с «постмодерном» вроде все понятно, хотя в его отдельности ничего не понятно.

А что культура! Она унижена до плоскостности, да пусть одновременно «в трех измерениях (кубизм)», закамуфлированно предстает в «массовой культуре».

А либералистские «права человека»? Права ли это человека? А может они предписаны для «политического животного» опять же?

Но постмодерн — это конец культуры. А массовая культура — разброд, раздрай, разврат с усиливающимся внедрением цивилизационных достижений в информационных технологиях. Права человека — лозунг, под прикрытием которого вмешиваются с имперскими замашками во внутренние дела тех стран, которые уж так хотят быть независимыми, суверенными. Да и просто подкупают и покупают тех, кого можно использовать. Вон на Украине, что делается! В результате всего этого предсказывается наступление вновь «холодной войны». Какие права человека, если это предполагает ущемление журналистских и вообще информационных свобод. Это уже не фигуральный, а настоящий конец цивилизации. Разевает пасть Гоббсовский «Левиафан». Разделяй и властвуй. Насаждай обособление.

Но в космополитстве нет «постов», концов. В нем только начала. В марксизме, особенно у В.И. Ленина «народные массы» — «движущая сила истории». Но космополитство — это не установка на массы, а как бы перекличка душ. И тут повернем разговор в несколько другой ракурс, возлагая ответственность на философию. Является ли философ, проповедуя космополитизм сам космополитом? Потому что все-таки опять не космополитизм, а космополитство, которое опирается не на мудрость даже, а на шестое чувство. И может статься, что мудрость и есть шестое чувство, интуиция. Вот откуда мир проговаривается в нас! Где нет сторон света или отдельных, разделенных между собой стран. Кажет-

ся, мы до сих пор недоосмыслили роль ООН, почему она зачастую работает вхолостую? И тут же можем отметить значимость Ассамблеи народов Казахстана, съезды религиозных представителей, экономические форумы. Все это конечно политика, но за ней или в ее фокусе — сообщение душ. Есть единый мир, который нуждается в человеческом многообразии, практически неограниченном, бесконечном в своем долженствовании. Гражданство мира, в котором признан каждый как философ, который не есть специалист, профессионал или тем более кандидат(!?), доктор(!?) наук, профессор и т.д. Как эти спецификации к тому же и звучат?! Кстати, конъюнктурная ныне PhD, что с этой новацией у нас станет больше философов? Да «ученых» больше, но философия не есть учение, а тем более не наука, а душевно-духовное состояние, в котором мир посещает нас.

Но массовое общество вытесняет философию на окраины мира, а философ застает себя в маргинальности. Какое там многообразие?! И ситуация, надо сказать, отчаянная. Вот что будируется постмодернизмом. Конечно, «talанты рождаются в провинции, в Париж они приезжают за славой» (Бальзак). Но ведь ныне и аулы, деревни под колпаком интернета. Какая там любовь к мудрости, кому она нужна?! И стены отчуждения и самоотчуждения между людьми становятся все толще и выше? «Вавилонская башня», несмотря на божие наказание все-таки продолжает возводиться? И кто же виноват, что делать? Философии нужно признать, что

именно мы философы виноваты в своих покушениях на мудрость. В нас въелся садо-мазохистский комплекс доказательности-показательности этой самой «любви к мудрости». Это системно-научно извращенная любовь.

А что делать? «Не знамо»! Точнее незнаемо в космополитстве, где нет путей, ориентиров и т.д. Сократ должен стать, начиная с нас философов, сто-кратным, тысяче-кратным, многожды-кратным и пойти на суд нынешней фальши, распространяющейся, усиливающейся информатизации в своей интуиции. Стоять не за кафедрой, а перед кафедрой со своей обнаженностью души. Не в нечаянных умозрениях или еще хуже «в точках зрения», а «на дне отчаяния испытать глоток надежды». Правда, у Гете: «надеждами живут нищие духом»! Пусть так, но именно в этом и нужно признаться, делая сдвиги к космополитству. Ну, разумеется, испытать не как глоток спиртного в обособленности, а уловить как душевно-духовный лучик света в совместной трапезе с другими. Вот когда возможна подлинная философия. Не совместное знание, а совместное не-знание, равное аутентичному признанию друг друга. И за всем этим маячит фигура космополита.

Что это? Анти-просветительство? Нет, сомнение, но не в пресловутом картезианском ключе *cogito ergo sum*, а место-имение в просвете душевно-духовного со-бытия.

Что-то в этом мире не так? А как надо неизвестно? Космополитство и есть ряд сомнений и даже сознательных оши-

бок, это истина, облаченная заблуждениями, положение, выходящее «из ряда вон». В конце концов все или многое можно списать на счет космополита. Все что угодно. Но дело не в этом, а что есть в порядке вещей. Тут, наверное, и работает диалектика: все негативное и прилипшее к человеку извне в обыденности снять для обнаружения того, что есть. И паразитарные ключевые слова, которые в меня въелись в связи с космополитическими искушениями «ведь», «допустимо», «хотя», «или», «даже», «все же», «все-таки», «работает» ...?!

2. Откуда постмодернизм знает?

Постмодерн как до-модерн

Пара-доксизм постмодернизма. В нем присутствует рационализм, несмотря ни на какие отвороты от него. Все равно он рассуждает. И раскладывает, и вскрывает в «тексте» за языком, в «симулякрах», «ризوماх», «смерти автора» (которая оказывается не смертью, а его половинчатостью или даже раздробленным соавторством в разночтениях читателей), «нарративах» как «сверхнарративах», вместо которых предлагаются малые «нарративы», в рассеивании культуры до бесосновности ее оснований в языке и т.д. Да, это имеет место, но откуда постмодернизм все это знает?! Или это пустое оригинальничанье, в результате которого создаются «химеры»? К существующему вообще, в том, числе и культуре,

к которой постмодернизм особенно неравнодушен, сколько можно бесконечно придирается? Хотя бесконечно ли? Но откуда, из чего, на каких основаниях? — Из того, что дескать оснований вообще нет! Порядка нет. Гармонии нет. Центра нет. Последовательности нет. Есть разваливающийся или уже разваленный мир, потому что он был «конструкцией мира», а не самим миром. Теперь означающее перед означаемым или что-то среднее между ними, о котором ничего нельзя сказать внятного... И все это связано с языком, предписывающим вещам быть так, а не этак. Правда, у Дерриды язык ограничен, а текст есть все. Но откуда он это даже «не знает», откуда он это «утверждает»? Где та «дыра» вместо «фалло-лого-рацио-центризма», из которой веет этот ветер постмодернизма? Да, «дыра» вместо «центра» предлагается и может это и верно? С феминистской точки зрения это можно и нужно переосмыслить относительно цивилизации и культуры. Но значит и где-то в этом ракурсе нужно искать спасение от всевозможных «постов»? Может вообще необходимо всем миром от постулатов переходить к тому чтобы «поститься»? Впрочем, это уже было предложено Альбертом Швейцером как необходимостью выдерживать принцип «благоговения перед жизнью»⁹ и другими мыслителями XX века, например, Римским клубом, да и древними. Принцип «ахимсы» у восточных мудрецов.

Но тут любопытный поворот мысли возможен. Собственно, открывается подоплека экологической проблемы или

точнее — экологические истоки постмодерна... За последние полвека XX столетия (уже прошедшего) количество спермы у мужской половины человечества сократилось на 50 %. Такая вот экологическая атака (контратака природы) за то, что с ней мы наделали. То ли еще будет?! А природные катаклизмы?! Не из модернистской ли нашей упертости?

На закавыку вопроса — «откуда постмодернизм знает?» — можно было бы и возразить: дело не в знании или в чувствовании, не в рациональных или эмпирических основаниях того что есть, все это были исторические иллюзии или иллюзии на реальность. Изначально, но периодически по-разному впадало человечество в заблуждения (= идеалы — идо-лы), потом от них как будто бы освобождалось в моментах истины. Дело не в этом, дело не в знании теперь, а в телесности, которая не знает, а «говорит» (выражается и даже самовыражается).

Об этом-то и заявляет постмодерн (кривая архитектура, «черный квадрат», масс-культура в извращениях). Тело даже не говорит, а бубнит о себе, вроде татуировок на коже (вот тебе возвращение к «золотому веку» древних!)

В постмодерне ничего разумного быть не может, а, впрочем, это и не нужно. Тут лишь следы, складки, ризомы, симулякры... Все эти «посты» — обозначения (бледные или ясные, черт их знает) первобытного состояния человечества. Душа оказалась не в теле, т.е. она из него отлетела. И наступило время празднования = возрождения тела. Вот где со-

кровенный исток постмодерна — он не «после», а относится к тому, что «до», реминисценциями которых и является постмодернизм. Потому и разговоров тут не может быть. Это случилось. Надо разбираться!

А откуда «Я собственно знаю»? Теоретически постструктурализм нужно толковать не как нечто после структурализма, а то что вызвало его для обращения вспять, в тайны, в глубины происхождения цивилизации, культуры. Там мрак, безызвестность происхождения так называемого «Человека». В частности, архетипы можно определить относительно архаического общества (К. Юнг). Но если это «менталитет», который «определяется» архетипами, то это не менталитет, точнее не ментальность? Он тогда перестает быть «вещью в себе» и превращается из синкретичного (неопределенного, неравновесного, этноразличного и т.д.) в нечто конкретное культуры с отрывом от прото-культуры, то есть постструктурализм надо поставить хроно-топически до структурализма, а постмодерн до модерна, как это ни парадоксально. Вот тебе опять М. Хайдеггер относительно времени! Мы должны идти не «тупо-вперед», а назад к истокам.

Постмодерн — растянутая на тысячелетия и прерывистая ретро-рефлексия: отныне через раздрай культуры сквозь обломки цивилизации прикосновение к исходному лону человечества, возвращение к «варварским» (бәрі бір) началам истории.

А не было ли изначальной обреченности человечества на

вырождение? И нельзя ли это выяснить через нынешние постмодернистские сентенции? Буквальное возвращение к началу (началам) истории, чтобы там что-то исправить, конечно, невозможно. Но постмодернизм ведь говорит, как оно присутствует в нынешнем положении дел? Или точнее каким образом оно отсутствует? А посему в ретроспективах обретаются перспективы, чтобы все заново начать. Вот это была бы спасительная ре-волюция для всего человечества!

Так что может нужно сказать огромное спасибо постмодернизму! Но что конкретно нужно переосмыслить, чтобы началось заново? Все «парадигмы» (или что-то еще) постмодернизма, которые будят впавшее в сон человечество? Или еще что-то, не хватающее!? Его может быть тогда нужно усилить, расширить, углубить: определиться содержательно. Что именно, как? Что необходимо? Чего в нем не хватает, чтобы «проснуться»? И почему он отвергается вообще и в частности — потому что он недостаточно убедителен, а лишь демонстративен? И «мир» не позволяет разобраться с этим, т.е. в нем как бы исключается возможность разобраться с этим — он мир, разваленный и законченный. Кто, что все это допустит? Из чего опять-таки! «Фашио — пучок» — случайно ли это?

Возможен ли всемирный манифест, подписанный каждым индивидом, чтобы осуществить мечту Руссо о возвращении к естественности от цивилизации?

Относительно «каждого» тоже нужно выговорится. К

нему также может подступать, его обступать, настигать постмодерн. Это состояние полу-мерности, паро-доксальности, сломенности в своем существе в самообращении, когда «познай себя» оказывается познанием иного. «Самопознание — свербящий ад» (В. Яковенко). Почему и случается перемена, смена, перелом в экзистенциальном ключе? Что-то с тобой заканчивается, завершается? Постмодерн нужно осознавать на собственном опыте. Старея, больше уделяешь времени физическому труду, ремеслу — что-то подправить, вернуть и вернуться. Да и «жидкий дух» соблазняет, потому что исчерпан или уже реализован «дух сухой». Ко сну тянет! Сон повседневности, переходящий к ночным бредам с прикосновениями к вечности (Борхес). Здесь и теперь ничего невозможно, только там, а потому и впадения в сон, а потому и ремесленничество, физические усилия, чтобы как-то «быть» или стремление вернуться в привычное состояние реальности.

Не пишется из исписанности? Творцы, которые накладывали на себя руки?! Ф. Ницше сошел с ума? Значит достал до себя? Откуда это знаешь? Из опыта самопознания.

А может и вправду в каждом модерне есть свой постмодерн? Впрочем, это даже тривиально. Рильке, Пастернак с отвращениями от успеха! Теоретически постмодернизм — это постмодерн на чужом опыте. Он пишет о том, что не сбылось и дескать сбыться не может, потому что это «не может быть никогда»! Но он пишет?!

... Может вообще не производить, не сочинять, а порождать. Вот ведь, что изначально. И к этому человечество возвращается. И как это возможно?..

«Откуда знаю об этом»?! Корни в мифологии, и еще глубже в чем-то. Это не по воле известно, а «по — велению сущего». Иначе — заблуждение. Но, тогда как быть с библейским искушением зла=познания?! Просто: ссылаясь на «природу», человек не знает, подлинно знает природа. Но кого она теперь знает?! Чужеродное существо? Почему так получилось? Ответ ясен. Из насильствования! И что теперь? Проблема ведь в том, что современность утверждает одновременность разновременного. Тут есть, над чем надо голову ломать. Я говорю и уже в ином состоянии или в писании = говорении, то есть из вне себя... = Быть в со-знании — быть вне себя, точнее над-собой в коромысле знаний.

«Текстуальность мира», а кто его может прочесть? Это ведь некий идеальный мир? И кто в нем тогда «гуляет»? В смысле том, что «автор умер»? «Все есть текст», а что или кто не есть текст? — Непонятно?

Заявляется о чем-то кем-то там, одному богу известно... Откуда?

Конечно, «не говорю», а говорится. Это допустимо! Но откуда говорится? Почему говорится? И что говорится?

Это не было, но теперь пришло, «объективный идеал» — это электронные технологии. Это не гегелевский мир идей, а то, что есть теперь, но кто может в этом разобраться? Исхо-

дя из того, что все завязано? И вообще возможно ли? Вынесение за скобки вопроса-субъективности возможно ли? Кто спрашивает?! Элементарно: кто, откуда, из чего судит — опять-таки теперь? На них не распространяется то что ими говорится? Где же момент исключения? Что они? Кто они? Насколько? Куда? Во что? — ну, наверное, в обыденность (против современности?!)

Сами о себе...? Что мы говорим? Откуда? Кому? Для чего? Почему говорится? Библия, Коран, Талмуд — признаки божьи?! Но кто знает, откуда это? Вот тебе и язык?! Откуда он в тебе? Кто вот теперь пишет или говорит ты...? Или я? Кто подсказал?! Отказаться в своем творении. Мужество или слабость, но так или иначе слабость, но так или иначе нужно, а то его не будет вовсе. В каждой книге есть антикнига (Борхес). Т.е. интертексты из будущего для Кафки.

Мы скорее сообразим с внешним миром, чем с внутренним, что все стало понятным. Но все менее понятным — мир внутренний? Да и существует ли он?

Сон, алкоголь, наркотики, да и ... секс — попытки или сублимации возвращения в «детство». Где разума нет, а есть неистовство стихий природы. Нет контроля над собой, а есть феноменальность существования. Которая для «образованного», «цивилизованного» существа проявляется спорадически!

Но откуда это? Почему это? Как я могу об этом знать? — из того что «первобытный» человек все еще не умер.

Вот тебе «будущее в прошлом», т.е. человечество если не деградирует, а это явно происходит, то все же отступает в себя, в смутные воспоминания, а может и жаждет обретения корней, которые теперь оказались вырванными, но почему-то «припоминаются». Вот тебе и менталитет?! Но почему я об этом догадался? Из многоти... о кратком! Вещь, идея, язык? Коммуникация и верования в нее? Но ведь путаница-то то может быть в ней и таится? Как там — «Вавилонская башня» — башня между прочим! — цивилизация спуталась и окуталась языками, а теперь единым языком информации и пропуска к реальности уже нет. И «знаем» от того, что вспоминаем негативно к данности.

Это нечто квази-эмпирическое, квази-сенсуалистическое. Т.е. необязательно рационально обоснованное. Это «знаю и баста».

Прямого ответа нет и быть видимо не может. Например, философия Декарта — это не метафизика, а именно физика. «Парадокс!» Его «Координаты» уже говорят об этом. Но странно, что он сам надеялся на «метафизику»? Да и Гегелевская диалектика, что это? Со всеми ее категориями, законами? Познание должно быть спонтанно относительно спонтанного. Оно не разборчиво и не структурировано. Это все равно, что «дураку закон не писан»! Вот тебе и «воспоминания души», да и платоновская «пещера, где грезятся облики вещей!»

Что получается? Вопрос: откуда мы знаем? — не значит

«почему мы знаем» (причина — следствие) или не то, что из сопоставительного опыта, из разборки — наглядности. Мы и знать-то — не знаем «откуда», но утверждаем не-что тупо или остро из какого-то сообщения... Наверное, из будущего, из «идеи возвращения»?! Вот тебе и «зри в корень»! А у Ж. Делеза: «не сейте, не жните, а только рвите»! А может и зрится-то в корень, а не понаружу?! Но именно зрится, а не смотрится! А отсюда различие окулоцентризма и интуиции, мировоззрения и внутреннего взора. И может слепой умнее зрячего? Сколько былей на этот счет? И даже не метафизика здесь шелестит, а мета-чувственность 10 .

И опять-таки может и вначале в уродливой форме периодически, а черт его знает, может и постоянно, происходит это «возвращение», вплоть до нынешних однополых браков (теперь узаконенных в просвещенной Франции!). Да и суицид среди молодых (в Казахстане тоже). Откуда это? Уравновешивание прогресса с регрессом, вперед есть назад, или что-то еще здесь прячется?

Скорее тут, то что пути определенного нет. Методология какая-то вообще невозможна, она всегда обманчива, иллюзорна. Хотя всегда соблазнительна, романтична! И что же? Что делать? Ничего не делать, сопротивление? Или алармизм, все-таки, на счет вековых, а не только нынешних, «экологических», «гендерных» и др. проблем? То есть библейское искушение познанием — вот что нужно, наверное, искупать. И это искупление невозможно завершить, оно

«компенсируется» все новыми прегрешениями и все более утонченными, изощренными, что уже не хватает воли сопротивляться. Ницше, да и Шопенгауэра, нужно трактовать ныне в позитивном ключе как провидцев теперешний негативной эпохи-стадии-эры, начавшейся со времен зачатия человечества.

Но парадокс в том, что всегда были «возвращения», всю историю можно разделить на периоды-откаты, с новыми на-ростами, занозами, болячками, поветриями, эпидемиями, заразами и черт знает с чем еще в культуре и цивилизации. Без этого не обходилось, чтобы не было «возвращения», вплоть до республики, коммунизма, демократии и т.д. История всегда была «шиворот-навыворот», временами успокоенная, но вновь и вновь взбаламученная. Это не «возвращение к природе» по Ж.Ж. Руссо, у него-то как раз самое просвещённое было прозрение, а все более извращенные возвращения. От безвинного, казалось бы, «знание — сила» (Ф. Бэкона) до современного совокупленческого интернета.

Но это уже сон сна. Это хуже алкоголя, наркотиков. Не просто эрзац-возвращения, а возвращение возвращения, круговая порука.

Находимся ли мы в состоянии постмодерна, неизвестно — на стыке Запада и Востока? — но думать при глобализации приходится?

3. Выбираться из капкана современности

В программной статье Н.А. Назарбаева «Болашаққа бағдар: рухани жаңғыру» 11 в переводе прозвучало как «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания». Конечно это, так сказать, смысловой перевод. Но тут подтверждается закон, что перевод неумолимо искажает суть переводимого и даже — «переводчик — враг автора».

В контексте национальной идеи «Мәңгілік ел» настоятельно просится трактовка: «взгляд (вектор) из будущего: духовное обновление». А если иметь в виду общественное сознание, не как идеологическое (ложное) равновесие, фиксирующее статус-кво, то оно представляется как бидоминирование людских душ и этнического духа. При том, чему отдавать предпочтение заведомо исторически неведомо. В обыденности время нам дано как будто бы для того, чтобы его тратить, но по большому счету не мы, а время выбирает нас. Почему? Неизвестно. Дух рыщет, где хочет. Был там и ушел, а куда неизвестно. Но есть подозрение, что дух приходит к душам, измученным во плоти, чтобы из нее освободить в неравно-душии. Как Махатма Ганди, «Великой души» индийского народа.

«Время временится из будущего» (Хайдеггер). Но это не противоположная линейному пониманию времени (=истории) установка, а вертикаль бытия человека в его духовном самостоянии.

И совместима ли духовность с «прагматизмом?» К тому же в постмодернистскую эпоху никакой большой нарратив

невозможен, в смысле у которого могут быть последователи? А если «нас унижает наш успех» (Рильке)?

Да и апелляция к «этническому коду» не должна трактоваться как попытка актуализировать подсознательное или даже бессознательное, к которому якобы нужно возвращение как «архетипам менталитета». Но в данном случае имеется в виду даже и не пресловутый «менталитет» или как обычно ссылки на язык, религию, а «туған жер», место рождения, которое в памяти нашей сохраняется символически-ценностно. Да, мы дорожим топосом, из которого появились на свет, вплоть до «чрева матери, в котором находясь, знали, что такое мир, а родившись забыли о нем» (др. евр. агад. изречение). Или «рождаемся даже с письмом внутри и, если останемся верны себе, будет позволено прочесть его при жизни до смерти» как наше предназначение (Рильке). Можно добавить: переходим к чтению «книги бытия». Но вот тут-то и впадаем невольно в соблазны цивилизации. Дьявол искушает в познании и приходится грешить, подчинять, насиловать природу, в том числе ближних и дальних.

И состоятельно ли «вечное возвращение» Ницше как собственно культура? Что теперь с ней происходит в глобализирующейся цивилизации? Надо выбираться из капкана современности!

Поперечные сети — СМИ, СПИД, ядерные вооружения и т.д. — орбитальные спутники, антитела, сателлиты — кружатся по орбитальным связям — в межконтактности, в меж-

коммуникативности, одним словом в между-мирье индивидуумов. И именно в межиндивидных сетях, т.е. не наоборот, а вполюборота, поперек их. Значит, все — таки, не вопреки, а благодаря этим сетям. Вот тебе и постмодернистский плюрализм. Возводятся «Вавилонские башни» в прозрачности-призрачности межчеловеческих связей. А что если это наказание божье пришельцов-инопланетян? Пришли, научили и разлучили? Чтобы властвовать отныне и во веки-веков? Хотите свободы — вот вам революции, которые будут инволюциями через контрреволюции. Обращайтесь-ка вспять, откуда вышли и будьте отдельными особями, животными, растениями... вплоть до молекул... И наступает фрактальность, взаимозаменяемость, точнее взаимодополняемость, монадологичность. В классике это называется «отчуждением», а в эксцессе «взаимоотчуждением», «самоотчуждением».

В общем, все теперь вертится вокруг меня — бедный Галилей, Коперник, но штука в том, что это я верчусь вокруг себе. Конечно, не истинное я, но это не имеет значения, потому что подлинное я — это теперь пустота. Потому что оно в пустыне транссексуальности, трансполитики, трансэкономики и черт его знает, чего транс... Элементарно все это проявляется в спиртуальности простых смертных. В экстрасенсорике «избранных». Можно продолжать, но все это (? -все ли) из Ж. Бодрийяра, с которым мы соглашаемся — не соглашаемся — но факты остаются фактами (см. его «Прозрачность

зла») 12 . Все это есть и никуда от них не деться. «Меж» — что это? Что это было? Т.е. понятно, что это было. А что будет? Тоже вроде понятно. Но вот хватит ли разума, чтобы образумиться? Потому что разум — это разум и ничего больше. Опять на сердце ставку делать что-ли? Да, но тут «мыслишка» одна кажется есть.

Все это размышления с точки зрения европейца, где культура, пардон, «глухонемеет». Да это-то и констатируется Ж. Бодрийяром, и правильно делается. Но что если культура все-таки бессмертна? Не значит ли это, что только «Европа умерла»? Или умирает? А кто об этом говорит и даже заявляет? Европейец? Ну не может этого быть онтологически, да и гносеологически тоже. Значит, это был — откуда, бог его знает — неевропеец. Шпенглер — это кто? 13

Расхожий «бег трусцой...» Не бежит, а бежится. Вспомогательный глагол «заставлять». Может в таком разе, твое (мое) понимание творчества как того состояния, в котором не пишут что-то, а пишется, нужно принимать в обратном ключе? Это не душевно-духовное состояние свободного полета мыслей, испытание чувств, которые поневоле приходят и выражаются, а машинерия исполнения? Хотя у тебя (меня) А.С. Пушкин вроде «работает»? («... и мысли в голове волнуются в отваге...»). Может быть, может быть! Но и другое здесь присутствует. Именно обратный фокус, так сказать, самого творчества в со-временности так представлен. Со-временность с ее технологиями начала играть с человеком. За-

ставляя его быть «не в себе и для себя» (Гегель), а извне себя — не быть в себе. Т.е. даже еще радикальнее: твой (мой) «третий человек» (название книги) 14 — это коммуникационно-информационно-пустотный со-временный «человек»? Раньше «он-человек» желал свободы, хотел быть «я-человеком», но теперь попятился опять к «он-человеку».

Это вывернутый наизнанку «я-человек» в теперешнем «он-человеке».

И дело тут видимо именно в со-временности, она теперь технически, технологически достигнута. Ранее ее нужно было постигнуть, начертить, выразить, теперь этого не требуется. В со-временности уже нет прошлого и будущее исчезает, наступают сумерки, перспективы искажаются. А физически «относительность одновременности» как Эйнштейновский теоретический «рычаг» сломался, благодаря научно-техническому прогрессу. Вот тебе и постмодерн!

Относительно Пушкина все правильно, но горечь со-временности в том, что он теперь из прошедшего времени мерещится, снится. В настоящем ему нет места! Не творчество, а креативность из кнопко-давяльной активности в заклавишной пустоте.

Прежняя, трагичная «со-временность» исчезла, наступила иная современность, которая собственно и не есть современность. Постмодерн. Хронос исчерпывается или уже исчерпан. Наступает или уже наступил топос? И ныне все пространно! И даже так, что коммуникации распространяются

до звезд небесных. Мы с ними «таперича» со-временники. Хотя надежды еще теплятся в полу-бытии, в полу-забытии, в полу-сумасшествии? Потому что «поперечные сети» — это поворот в межчеловеческих связях не на 180, а на 90 градусов? Т.е. до полной деградации человечество еще не дошло, во всяком случае большая половина его — это не Европа.

Да и звезды все же смотрят на нас. Дело не в том, чтобы с ними вступать в общение, а чтобы они смотрели на нас, вызывая: «что там еще выкинете земляне!? В капкане современности? В созданной вами «машине времени»?

Вот почему (тебе) хоть иногда хочется что-нибудь сделать, переделать, отремонтировать. Может это и есть «деконструкция» Дерриды? Это попытки вырваться из со-временности, из рутины ее. Вот почему не пишется, потому что все тщетно. Творчество оборачивается суетливостью.

А (ты) надеешься прослыть классиком, а стоило бы вернуться неклассикой. Классно теперь «выглядеть классно». Звездномания. Да, но это с европейской точки зрения. «Преследования в Венеции» в Караганде кажется еще не начались. Хотя и грезится под влиянием того же Ж. Бодрийяра. Да и вообще такого рода явления понятны или внятны именно для «восточного человека», потому что он пока свободен от них. Вплоть до терроризма, когда демонстрируется акт убийства заложника. Это наказание Западу (да простится мне эта крайность) в непонимающем «превосходстве» Востока! И видимо не идеологически, не в нравоучение, а бес-

сознательно, без аргументации. Мир таков, что он не таков, как вам кажется. Он таков, что мы чужды друг-другу. И пора — это понять. Сколько можно терпеть ваше цивилизаторское умиротворение меж нами? Оно не нужно, почувствуйте же инобытие?!

... Так, чтобы в разладах нынешней Европы почувствовать себя в мире ином. Вот что нужно. Научили и доучились! Получается обратное. То, что было хуже оказывается не то, чтобы стало лучше, но сильнее, самоотверженнее. Новый свет (Америка) все более оборачивается мраком. Мраком для остального преимуществующего его мира!

Не из света свет, а из мрака — вот свет истинный. То, что затомилось, разрешится. Кудай салсын. Наступает то, чего угодно ныне! И (я) поэтому-то и говорю про Восток. Не в географическом смысле, а в смысле пробуждения человечества. Ну не с Запада же оно пробуждается. С чего это нас (меня) растащило?!

Обязывать прозой отвечать на музы — это конечно важно. Но тут кажись, наоборот — музе «отвечаясь» — музе не отвечает прозой.

Капкан «со-временности», в который попала культура. В цивилизации все теперь современно, все доступно, все наглядно, все интимно. Но современность не абсолютное пространство. Чтобы время в нем исчезло. Культура, конечно, дышит на ладан. Информация наступает и наступает, а смысл вещей, смысл жизни исчезают. Что же делать, как

быть? Та же самая «массовая культура», в которой как мировой «водо-воронке» кружевное погружение куда-то в глубины небытия. Похоже на природные катастрофы, которые учащаются.

Так что смыслы вещей становятся все микроскопичнее. А что если таким образом, хотим ли мы или не хотим, происходит возвращение цивилизации к природе? Т.е. культура теперь оборачивается самой природой? Т.е. хаосом или точнее хаосмосом. Отсюда многовекторность: вниз-вширь-вверх. Порядок из хаоса! «Предустановленная гармония» (Лейбниц)! Фрактальность!

Гомеомерность! По квантовой физике в мире присутствует нечто, схожее с сознанием.

И может даже смыслы вещей впервые только и начинают открываться? Т.е. они не открываются со стороны какого-то наблюдателя. Если человек на это претендует, то они-то предстают «вещами-в-себе» (Кант). Да и человек теряет себя в активизме познания, преобразования, подчинения и т.д. Смысл только тогда и есть с-мысл, когда он не раскрывается из какого-то немотичного, нейтрального состояния, а открыт всегда.

Так что время, стиснутое в пространстве, высвобождается из этих тисков, и оно должно истекать из пространства: как свободы — из равенства, смыслы — из бессмыслицы, истины — из заблуждения, красоты — из безличия и т.д.

Но при этом вся штука в том, что со-временность — это

и не просто «капкан», в котором испытывает муки ныне настоящее, зажатое в створках прошлого и будущего. Соответственно здесь и нет ни того, ни другого. Т.е. они все одно и то же — элементы какого-то цивилизационного механизма. Точнее даже работающей уже «машины времени».

Конечно, в трехмерности присутствует время. Теория относительности работает. Но время как горючее топливо в машине с двигателем внутреннего сгорания. А, впрочем, какая разница: «время как деньги» в экономической системе-машине.

Со-временность это не конец времени все-таки, а тупиковость пространства в его трехмерности, где одномерность времени «работает». Но может в этом и заключается беременность модерна как со-временности, чреватая пост-модернистскими родами? Чего? Кого?

Долго ли протянутся роды? Надо отсчитывать от того момента, когда время сжалось в своей одномерности до мгновенности, до точечной сперматозоидности или яйцеклеточности. И хотя нынче все превратилось в повальную сексуальность вплоть до однополых браков, надежды еще теплятся. Может это до сих пор приключения любви были? И из мрака заблуждений (блуда) появится свет? Как из черной дыры в космосе произошел взрыв?

Но во всем этом не разобраться с точки зрения линейности истории, где «современности» приходят и уходят. Современность становится, зреет, осваивается и наступает «точка

бифуркации», следует взрыв, эпоха кончилась. Затем иная со-временность и т.д. Все это классифицировано, хотя и по-разному в исторических раскладах.

Но вот, что теперь-то с точки зрения или точек зрения постмодерна? Ранее один модерн, какой бы он не был, но он был современностью для его представителей, неважно для всех, многих или немногих, и сменялся другим модерном. А что теперь, модерн в постмодерне должен быть исчерпан? И что-то тут произошло с современностью? Постмодерн возможен, а современность немыслима, безосновна, тупикова? Наступил конец вообще времени, включая все концы-посты: бога, культуры, истории, да и самого человека. Т.е. все концы обрублены. Апокалипсис наступил?

И что же толковать постмодерн по-марксистски как «начало подлинной человеческой истории», а все до этого лишь «предыстория»? Он требует для своего раскрытия другого «методологического ключа», чтобы состоялось его «метафизическое» открытие как нового света во всем тупиковом мире. Причем тупиков становится все больше, вплоть до каждой человеческой особи. Массовая культура. Омассовленный человек. Глобализация...

И все это имеет место в нынешней со-временности. Но не как ее особенность в отличие от прежних времен. Тут многое еще нами, современниками не учтено, и если это вообще возможно, то учитывается лишь в какой-то степени, приблизительно. Теоретизируя, современность можно тронуть,

но не исчерпать. Наоборот, это исследование изнутри ведет к ее апологии, оказывается заложничеством напрасным перед возможным будущим, весьма проблематичным из современности. Потому что современность, кроме всего, а может и прежде всего, а потом все остальное в ней, дополнительно, «почвенно-террористична»? Как слипающееся человечество в глобализации?

Нынешняя современность даже не современность, потому что в ней нет времени для место-имения современников. Современность всегда отмечалась, помечалась, символизировалась современниками, причем преимущественно в позитивно-ценностном плане. Хотя были и другие «деятели», о которых язык не поворачивается сказать, что они были с кем-то современниками. Потому что зло торжествовало «в гордом одиночестве» злодея, тирана над другими. «Государство это я!» А может теперь это-то не демонстративно, не наглядно, но эмпирически бессознательно для нас с вами правит как массами? Мировое правительство, Масоны? Еще Б. Брехт сетовал, что «раньше его мучила мысль, что кто-то нами правит неразумно. А теперь то, что вообще никто нами не занимается»!

Да, но и у постмодерна есть современники в постмодернизме. Их немного, хотя это может оказаться «великая кучка». А значит и со-временность не исчезает? Но постмодерн — это не новый модерн после конца современности. Это вообще не модерн и не начало нового мира. А начатки, если да-

же не начала иных миров. Перемежающиеся, мерцающие лучи света... в космополисе. «И был свет человеков» (еванг.). И каждый «современный» постмодернист с его душевно-духовными прозрениями сообщает о чем-то, что нужно «темной массе» других. Хотя они в этом и не нуждаются. Вывать к ним — напрасные потуги. Да и для «просвещенных», т.е. образованных, все это не понятно: «Что Вы хотите сказать, извольте объясниться?» Скорее всего, это действительно «могучая кучка» и свет от нее в пучке разноголосий. В ней самой нет, конечно, единства, а плюральность, что опять-таки вне ее, с точки зрения «разумных» интеллектуалов недопустимо. Но пророки и в самом деле в своем отечестве всегда отсутствуют. Но тут парадокс: этот «плюрализм» в постмодернизме, (я) думаю, космополитичен! Т.е. он не патриотичен, потому что это взгляды не отсюда-туда, а оттуда-сюда. Эта та максима, по которой может быть и нужно открыть себя не как обособленному индивиду, что бесполезно или вообще неуместно, а как человечеству. Предназначение постмодернизма в этом и заключаются. Постмодернист не каждый попавшийся, а «избранник божий» или «представитель ноосферы», душевно-духовный исповедник, борющийся с модой, рекламой, информацией и т.д. И сам болящий, страдающий от них. Для которого вместо вкуса — боль, вместо мыслей — страдания.

Итак, современность — не современность, постмодерн — не постмодерн. Словами — понятиями тут не обойтись. Тут

нужны и «деконструкция», и «ризомы», и «симулякры», и «нарративы», и «дискурсы», и «тексты», и «совращение», и «шизофрения» и т.д.

Но (для меня) современность — это одновременность, т.е. поглотившее время пространство, а постмодерн, вытекающее из него впервые свободное время, подчиняющее себе пространство. Не все в мире есть одновременность, но в нынешнем информационно насыщенном (перенасыщенном) социуме так оно и обстоит. Все пространно: транссексуально, транвеститно и т.д. А потому и выжимается, выдавливается из него «время». «Машина времени» ускоряет ход, но от нее же несутся звуки, запахи, дрожит воздух. Но это еще не постмодерн, это еще современность — одновременность. В постмодерне как времени она не улавливается. Да этого и не требуется по определению. Современность, чем она современнее в одновременности, пребывая и там, и сям, тем ступорознее. Но тут-то и «собака зарыта» — должен произойти взрыв во всех трех измерениях пространства. Он неминуем. Когда? Как? С какими последствиями? Бог его знает? Но то, что сжатое время разнесет пространство — это непременно случится. Но главное тут, не в физике, а в метафизике; одномерность против трехмерности может принести разрушительные последствия, но символически это взрыв-порождение многомерности свобод человека, вплоть до звезд-надежд его.

Да ведь все просто: современность настолько инкорпори-

ровала, даже «переела» модернов, в том числе псевдо-модернов, эрзац-модернов вплоть до анти-модернов (средства массового уничтожения, зомбирования, клонирования, не говоря уже о частных, мягких, доступных — от рекламы, моды до спиртного и наркотиков), что она, конечно же, теперь не «старая», «добрая» современность, а вездесущая, суетливая все-посредственность. А иначе и быть не могло. Эмпирически были подхвачены и усиленно насаждались или они сами как злые силы размножались в со-временности через системное лицемерие власть предержащих... Отчуждение, фетишизм, культ силы, поклонение богатству, стремление к всезнайству и т.д. Так что современность должна рухнуть как «Вавилонская башня», а ныне уже рассасывается из всеобщей «текстуальности» в гетерогенном смешении ценностей.

А может стать и все наоборот? Акценты относительно пространства и времени в интерпретации модерна и постмодерна могут быть произведены и в обратном порядке?

Со-временность — это как раз овладение в какой-то степени пространством во времени, измерение пространства временем, вложение времени в пространство. Со-временность может «проталкиваться» к одновременности, никогда ее не достигая. Но современность всегда содержательна, именно в своем временении, т.е. в импульсах, скоростях, маятниковых качаниях «вперед-назад», а в конечном счете в тех исторически «определенных свободах», которые

в ней возможны, допустимы. Например, «деньги как отчужденные свободы» (Маркс). Но и самые разные свободы, да и смыслы, распространенные ценности. А пост-модерн? Должно ли в нем, наоборот, пространство использоваться для времени и даже взрываться как современность-одновременность?! Да ведь это будет игра, ирония, даже балаган? А «игра старше культуры» (Хейзинга)? 15 Хотя это относится к театральной сценарности и вообще к любой сценарности, экранным. Это, конечно, культура: живопись, музыка, всякий вид искусства. И тем более современность в массовой культуре.

Что же тогда получается? То, что настоящее зажато ныне в капкане прошлого и будущего — это, наверное, правильно. Но ведь это-то и имеет место, т.е. может иметь место во втором состоянии пространства и времени, т.е. в постмодерне, когда пространство подчинено времени.

Что-то тут странно? Может быть все дело в трансформации первого случая или ситуации с пространством и временем в состояние второе? И в этом — то смысле все теперь иллюзорно? А произошло это технократически, спекулятивно-финансово, в обороте виртуальных капиталов?

Освоение пространств закончилось, это были великие «победы» над природой. И теперь все стало современным, доступным. Ставки должны быть сделаны именно на игру в иллюзорную современность, пространство исчезает или уже исчезло в одновременности, «время» шастает, где ему хочет-

ся, без всяких реализаций. Но дело и не столько в пространстве или времени, а в мнимой «со-временности». Это волапюк, а не современность. Ей теперь не нужны ни пространство, ни время. Первое куда-то исчезло или провалилось под ногами игроков-танцоров, второе подменилось ложными ценностями.

И именно в таком случае постмодерн оказывается радикальным пересмотром всего и вся. Переоценкой всех ценностей.

И что же, не было такой странной ситуации в прошлом? Мнимой современности с ее модами, расхожими мнениями, средствами связи, театральностью, вообще внешней жизнью. Да, были. Но теперь постмодерн, вопреки вообще модерну, в том числе и Возрождению, и Просвещению, и Рационализму... Социальным и индустриальным революциям и нескончаемому научно-техническому прогрессу, при том, что все это уперто в нынешней современности. Пост-модерн — это не очередной «пост-модерн», а впервые постмодерн.

В своей чуждости миру сему откровенничали многие подвижники в прошлом, но это были те точечные состояния, в которые они впадали перед «внешней — сообразностью» окружающего, где нет смысла, где нет гармонии, а есть лишь иллюзорность — и в разрыве таковых отношений им и виделась возможная гармония, опять же по Лейбницу «предустановленная гармония» 16 . Мы обманываемся в настоящем именно относительно прошлого. Оно-то и приносится в

жертву ради «прошлого». Но прошлое не проходит. Оно требовательно зовет к целостности в намеках на «плюрализм», с тем чтобы проснуться из-в плюральности! Черт его знает, опять «диалектика» что-ли? Но это кажется не совсем так. Многообразие из единства, а не единство в многообразии. Да, из протестной, иногда, точечности в многоточии теперь. «Чтобы попасть в избранную цель на земле, надо целиться в небеса» (Достоевский).

... Да, но не слишком ли много надежд возлагается на постмодерн? Очередная утопия? Очередной «большой нарратив» в призывах, в допущениях, в возможностях «маленьких нарративов» (Лиотар)? Да и вообще все мельче, как бы корпускулярнее оказывается то, что было в прошлом большим, вседвоящим в предлагаемых или констатируемых постах: «смерть бога» — в маленьких божествах, дьяволятах цивилизации, НТП; «смерть автора» в сомнимых соавторствах, в лжезвездах или оригинальничиньях в любой сфере «культуры», в которую превращается все и вся, «конец истории» — в анекдотических случаях с кем-то, известным под именем «человек» и т.д. То есть «посты» (концы) — не совсем то, что в них можно было бы буквально принимать. Их нужно понимать как намеки на что-то оборотническое, кажущееся исчезнувшим или наоборот исчезнувшее кажущимся? Ну не бывает конца ничему в этом мире?

Но тогда это банальность: история повторяется...

Т.е. в постмодернизме постмодерн заявляет не о себе, а о

«постмодерне», который теперь имеет место быть и его нужно ухватить в квазитерминном выражении, но не в адекватном отражении — утверждении. Пост-модернизм подхваченный постмодерн, выразившийся — не выразившийся в том, что он есть. Это отблески, протуберанцы того, что на самом деле имеет место быть или происходит. Тут уж вдвойне загадка. Постмодернизм из постмодерна сам есть загадка за загадкой. Почему? Да потому что постмодернизм о себе не заявляет, но о другом, из которого он — да! То есть он двойное нет. И как это принимать?

Как точечность прежней точности или прошлой тучности. Из окоемности мира вышли к точечности зрения, подозрения (П. Рикер).

Может, может — вся мысль в том, что вся культура возвратна! Но не линейно, а к со-творению! У Новалиса «философия — род духовной ностальгии, тяга из всего по дому»! Да и в смысле большой, невозможно огромной рефлексии — попытка прикосновения к истокам того, что стало быть — возможно ли это? Т.е. футуризм с оборачиванием на ретро-ризм? То есть — опять мелькает, «то есть» — в будущее как в прошлое?!

4. В вертикали будущего

Постмодерн: это когда не осознается, что творится. Во всей иллюзорности творчества. Но в том-то штука и заключается, что творится и творится... Не по модерну, а по тво-

рению как «самоцелью»... Что-то со мной творится?!

Но и вообще тут что-то есть подозрительное относительно сказанного и сказываемого и т.д. А что, если в сказанности черт и прячется. Поэт и дьявольские искушения.

Во что упирался и я в прошлом (и продолжаю упираться). Думал, что сказывается. Ан нет, то есть да! Дьявол и шепчет на ухо: дескать, скажи, вот и сказывается. А разве Бог подскажет?! Хотя и на него иногда ссылаются в не-скромности.

Может Декарт был и прав? Рефлексия над тем, что ты есть, должна иметь место и непрерывно, да пусть и прерывно, причем непосредственно, до привычек и даже вредных. Но видимо это из превосходящего будущего, что, впрочем, понятно, а не из настоящего — вот где черт прячется — иллюзия. Дьявол в мелочах настоящего (современности). Как «правда в ногах». Вот тут, вот она!

Но в вертикали самостояния и будущее яснее, а прошлое темнее, потому и настоящее кажется странным. Производится рефлексия его «от-странения» (Шкловский). Быть или не быть? Вопрос, который не имеет ответа, то есть быть можно только из (еще, ныне, теперь) небытия. Поэтому всегда актуально «переваривать» то, что было испытано, познано, прочитано и, казалось бы, завершено, может быть только это и приведет к истине. Убеждения и переубеждения. От упертости к открытости; чтобы не ты, а мир свыше смотрел на тебя. Мол, «жив еще»? Без того чтобы быть знаменитым!

Но вот откуда это может быть? От ясности будущего, в

темноте прошлого. Но опять-таки откуда берется ясность будущего и почему покрывается мраком прошлое? Из сложности настоящего. Вероятно, но не из линейности ли жизни, истории вообще — все это? То есть даже так, что именно в линейности прошлое как будто бы светло, а будущее темно. Но вынужденно по-неволе рисуется наоборот.

Так сказать, всегда даже эмпирически обратная пропорциональность. Ног под собой не чуя, мы то уносимся вперед в художественных воображениях, социальных проектах, то откатываемся назад, в тупики начального времени (даже в фашизм), где мерещится превосходство одного рода над другим, а почва под ногами человечества в настоящем портится, разваливается.

Стихийность настоящего понятна, но мы шагаем над ним и даже кажется владеем им вплоть до однополюс «любви», гвоздим настоящее и все меньше бываем и все больше не есть. Ну «кто я есть»? И есть ли вообще? «Настоящее» в линейности в кавычках, но его берут и в скобках, замкнутых в науках и полуразомкнутых туда-сюда в искусствах. А оно восклицательно! Но не промежуточно, не повседневно, тем более, не суетно. Значит настоящее скрыто в научных описаниях и завуалировано в культуре? А что, если оно защищается от посягательств на него и «доступно» только таким образом в иносказании и мифология не кончилась и никогда не исчерпает себя. Без слова не обойтись! И я назван, обозначен, обозван среди других. Потому и прячутся души. Блуж-

дает дух. Настоящее и есть человек. Но его нет. Есть сверх-человек или недо-человек, или их мутант, симбиоз. Время берет свое. Но оно испытывается как бремя в беременности человеческого?! И когда же наступят роды? Или уже были разрождения — в религиях, искусствах и даже в науках (коперниковских открытиях)? С последующими, правда, деградациями, то бишь, закатами цивилизаций?

Да ведь «пост» — это значит «после». Но теперь не после, а куда? Во что? Из чего? Над чем? Вопросов все больше, чем ответов. Даже не по-чему, а «из-чего» (другой формулировки не могу привести, из-за вязкости вопроса).

Мы живем или не живем? Кажется, что живем, а откуда кажется? Почему кажется, а не есть? Потому что в «общественном человеке» для публики его воспринимающей предполагается не личность, не лицо, а нечто в нем и из него приоткрытое как прикрытое, то есть бессознательное как снятие маски? Но вот вопрос: существует ли вообще бессознательное? Тот, кто о нем говорит, о нем ли говорит? Или — пусть о нем — но не «в-себе-и-для-себя», а в других. Однако, это ведь опять-таки объективный извне подход, предлагающий объяснительный принцип с претензиями того, у которого нет такого «бессознательного», но которое есть у других, на выявление неких причин — начал их поведения, сублимаций и т.д.

Но не приписывание ли это того, что испытал предписыватель (психоаналитик или рефлексирующий от имени «бес-

сознательного» исследователь) на самых разных уровнях, в специфических жанрах, в своеобразных попытках вникновения в ситуации со-временности? Бессознательная экстраполяция самостного бессознательного, которое он, испытав, преодолел, и что теперь предлагается всему человечеству?! Но тогда «бессознательное» — это выдуманное, точнее навязываемое человечеству узкое, крайне субъективное того, в ком оно истратилось, чтобы его преодолеть.

А зачем человечеству это нужно, если оно это не пережило?! Или оно обязательно прожило, пережило (откуда это известно?). Тогда из чего, откуда, почему пережило — тем более — по современным технологиям, которые «возвращают» к первобытности и не могут без этого обойтись (?!). Тауировка... и всевозможные шоу — это одно и то же.

Бессознательного не существует, существует лишь то, что осознанно. Но это значит, кроме всего прочего, а может и самое важное, то что исчезает существующее или действительное-сущностное, все более и более превращаясь в прилагательное. Наверное, это все отразилось вначале в философии языка (требование строгости в языке у Витгенштейна). А теперь уже в самом языке как хаосе, в котором остается только потонуть («все есть текст» Деррида), но выбраться вряд ли?

Так что бессознательное подобралось к языку?! Да, да уже заглатывает и прожевывает. Демонстраций достаточно.

Но откуда догадался? Да не нравится мне это! Показуха

как неказуха. Да и вообще, это скорее всего европейский «феномен». На Востоке такого нет. Хотя, в то же время, черт его знает, может «номадология» Делеза что-то может дать (при собственном этноцентризме)? То есть всеобщее спасение в условиях глобализации может принести исключительный вклад (самоотверженный «потлач») отдельного этноса (как у иудеев).

На «атомы дублируемости в культуре» в этом плане намекал в свое время М.К. Мамардашвили 17 . Бессознательное «не существует», но оно временами просыпается. И если его осмысливать этнически (а это так и нужно), то ныне достойным по человечеству предстает номадический феномен. Хотя вон бредит и неофашизм — пучок, связанный из хвостов-индивидов этносов. Но «номада» открыта на мир, а «фашио» замкнуто на себя.

Большие нарративы (повествования) теперь и вообще не работают, и срабатывают на нет (Лиотар). Но малые нужны. На них держится вся культура. Высказ, рассказ, показ... Ну и что? То ли «малый народ...»? То ли «проблеск мысли...»? То ли «не болтай...»? То ли краткость, простота, ясность «истины»...? То ли прорыв «существования в мысли» (Мамардашвили), когда мысль и оказывается существованием..? Что равно «преодолению» экзистенциализма. Но это ведь и есть выражение невыразимого (что тебе (мне) удалось в «третьем человеке» или все-таки не совсем удалось?!).

Странно, но отношение к вечному и бесконечному конечно, ситуативно — в этом и заключается всякая мысль (смысл). Про-зрение. Переход или поймание (улов) себя на радуге от конечного на бесконечное в конечном. Вот и вся культура. И как это возможно? Почему это бывает? Как может конечный человек испытывать бесконечность? Но это делается во всех науках, тем более в философии.

Вернемся к тому, что «большие нарративы» кончились. Но тогда «Программа 2050» — ошибка? Но она ведь нужна и возможна? Для страны неразвитой или вообще? В любом случае ожидает или провал, или прорыв. Но вероятно, что и то, и другое. От чего это зависит? От никем не желанных желаний, от того, что не было испытано, что должно родиться (но это в смысле родить себя!), из невозможного — возможное! К «2050» нельзя идти, от него нужно отпавляться. А это может быть в разнице-контакте между поколениями.

А может: вся человеческая история и есть вопрос «кто ты есть», а откуда спрашивается неизвестно? В линейной памяти все прошло, все в прошлом — впереди ничто, и даже не туман... Все вспоминается и поименовывается — кого как звали, кем был, кем слыл. А ты при этом, что в присутствии испытывал? Почему все это, но не все напоминается? Борозды души, искривления судьбы.

Точность и точечность не в ладу. Первая удовлетворительна, а вторая мучительна. Бесконечно и вечно прямочется человек. То есть даже не он, а я-человек. Бейшара! И

что же делать, как же быть? А никак, нет выхода, я сам себе тупик. Но спрашивается все-же откуда? Ведь спрашивается у тебя о тебе? Назойливо, непрестанно, да хотя бы временами? Откуда? Из чего? Первопричина..?! Конечно нет. Отчего я, следствием будучи, смею вопрошать о своей причинности. Не удовлетворяясь происхождением, влияниями обстоятельств жизни-биографии и т.д. То есть вопрос не в том, отчего я есть, а в том, почему я не есть я? Или даже не должен быть саморавным, идентичным? Может, но не должен.

Из бесконечности я вопрошает о себе. Отчего же, что ему вопрошается, чего ему не хватает? Что, в конце концов, мучает? В попытках овладеть бесконечностью, не удовлетворяясь, воля к власти не ограниченная ничем. И спрашивается все время — этого хватит? Нет не хватит. Мне себе себя не хватает.

Да, но тут штука и другая есть, т.е. «обратная сторона медали». Влекут-то вещи, вызывает в судорожиях, смятениях к себе бесконечность — не математическая конечно, а чувственно-конкретная многообразность и более чем разнообразность. А черт его знает, может дело-то и в разнообразности?! Да нет, наверное, это будет только мода, преходящие вкусы, принятые стандарты, распространенные стереотипы и т.д. Точечность в них и гасится. В пред-внесении себя. Монадология наоборот. Г. Лейбниц был прав. Не Гегель, а он был предвестником будущего. Надежда — в «предустановленной гармонии». Точность мысли в многообразии ми-

ра (то есть точечность... в бесконечности — удел и надежды человека). И может статься, именно в точечности человека и выходы на тотальность мира, превышая среду: ближних и дальних. Но без претензий на исключительность, а просто в осознании своей исключительности, без ее предъявления. Кого Бог позвал!

Как превысить общее в единичности? Как вообще быть? И есть ли мы? То есть, есть ли я? Вот что мучает. Разрешается в какой-то мере в поэзии. Но разрешается ли? Или это только потуги? И чем они кончались? Только намеками?.. Нет, указаниями! «Поэзис мысли» у М.Хайдеггера. И его же: «время временится из будущего». Каково! И что дальше?

Не знаю, «война» продолжается, ужас нарастает. Неужто нет исхода? Красота-поэзия — спасет мир? Как? Механизмы в чем? Из чувства не-развитости к уразумению развития... Намеченные нами до этого мысли, кажется, работают! Те, кто «совершенны» выдохлись! К ним, правда, стараются примкнуть (Украина?!). Но механически (слабость, если вообще не отсутствие интеллигентности, духовная вырожденность).

Но в «конце истории» будут происходить странные явления, в том числе и «азиатских бореев». И то отраднo с общечеловеческой точки зрения.

Осознание не-развитости имеет преимущество перед сознанием совершенства, полноценности достигнутого (=самодовольства). Да, впрочем, это и тривиально. Дело в дру-

гом. Как перескочить это промежуточное состояние? И возможно ли это? А откуда это может быть известно? Откуда приходит весть? Вот тут закавыка. Не оттуда лишь, что достигли другие, не из зависти? Может «намыс» и есть «настоящее мысли» (Мамардашвили), когда «не надо делать», а «делаться должно». Тут нужны изложения.

Со-временный мир — это игра смыслов... В лирике или героизации истории независимость не сохранить. Кто мы, что мы, как мы, несмотря на исторические усилия определить невозможно, или, во всяком случае, недостаточно. Это только толчки к осознанию той экзистенциально пограничной ситуации, в которой мы теперь оказались.

И даже никакими научными программами исследований не обойтись. Науки калькулируют (Хайдеггер), а нужно экзистенциальное мышление, т.е. экзистенцирование (=исхождение). Скажем, кроме официальных церемоний празднование «Дня независимости» должно быть буйственным, не оргиастическим в первобытном смысле (хотя и это случается в современной «массовой культуре»), а пародийно-ироническим...

Как можно противостоять глобализации? В миролюбии, в-глобализации? Да, но тут нужно думать, маленький Казахстан предлагает путь выхода из коллапса мировому сообществу. Это признается передовыми умами за мудрость, но на деле не принимается. Но вот где «маленькое больше большого». Парадокс веры по С. Кьеркегору.

О независимости должно не только думаться, но и петься. Точнее, может быть не только, да и не столько на уровне отдельного субъекта, но этноса-субстанции-страны (не хочется говорить государства — тут примешивается учредитель государь, а народ в тени), должно работать «мышление-поэзис» (Хайдеггер) 18 .

Так вот, помощь России я изыскиваю из студенческого фольклора своей молодости. Была такая мифологическая песня в наше время. Начинается: «из заморского из леса, где и вовсе суший ад, приезжают злые бесы, чуть друг друга не едят. Чтоб совместное творить зло потом, поделиться приехали опытом» и т.д. А дальше описывается противостояние им во главе с «Соловьем-разбойником».

В шутку и всерьез я предлагаю, чтобы нам пелось... Потому что глобализация не наступает, она уже наступила, что образно предвосхитил В. Высоцкий, а не вся, к сожалению, тогдашняя и нынешняя интеллигенция России. А может он-то и был в Олжасовском семиотическом ключе настоящий орыс=оріс, а может и ұрыс, кім білсін?! В смысле не драки, а противостояния, еще точнее, выигрышного хода-противодействия из мощи мифологических корней?! В то же время в его песнях можно уловить космополитические мотивы.

Нужно отправляться не от «абстрактного к конкретному» как у Гегеля, а потом у Маркса, нужно вскрывать синкретное, чтобы через абстрактные программы постичь конкретное. Это и есть мифологемы, наполняющие менталитет. Они

должны работать. Что-то здесь нужно пересмотреть, переосмыслить у нас в феномене «айтыс». Где нет победителя (отсюда — ассамблея, съезды, форумы).

Рассеяннo-многообразный, даже расплывчатый теперь постмодернистский человек в модерне был собран и готов был «сиять во что попало», т.е. временами попадал в наметаемую цель, но порой и промахивался, а теперь вовсе смазывает. Усилия его по овладению природой становятся, увы, тщетны.

Но кроме мифологии тут еще вот что, кажется, возрождается. Падает цивилизация, уплощается культура и... возвышается религия. Кто кого возьмет? Религия даже не в принятом смысле, а в космофизическом. Прилетали «боги» на Землю — попытки онтологических доказательств — свидетельств по изображениям индийским, китайским, латино-американским — верны ли они? Или все-таки умозаключения-воображения перед могущим быть апокалипсисом?!

Да, это религиозные реминисценции, но они приходят в мир и о чем-то говорят. Условно или безусловно, Сатана с Богом кажется пришли в полную противоположность. И кто победит — неизвестно. Слишком много свидетельств этой ситуации. Элементарно: фашизм...

Ну не становится лучше, а все хуже на планете Земля. В чем дело? Поэтому может попросить помощи оттуда, из звездного неба? Потому что когда человечество сообща спрашивает: кто мы есть, то вряд ли ответится. В душах

человеческих может, должен быть найден ответ. Какой? И опять нудится: кто я? Зачем я? Почему я? Откуда я? Нужен ли я? Да и есть ли вообще я...? А главное: откуда спрашивается? Чего в тебе тебе же не хватает? То есть, наоборот: что в тебе тебя превышает? Тебя в тебе? Откуда мысль? Откуда чувства? Не из взаимного ли мира?! Да, но почему они приходили и приходят? Значит, что кто-то есть нас соединяющий?!

Со-чувствия душ не бывают в горизонтных отношениях, а во взлете душ до духа. И может быть «точка зрения» и есть Бог. Оттуда, сверху — смотрятся души. А может и отсюда, там сообщаются души. У О. Сулейменова «рога быка». Тут и игра слов «бұқа», «бык», «бог». Луна предшествует Солнцу. Хотя и другое есть: «тео», «дэу», «великое».

Религия — сообщение душ. И она же негативна любви, т.е. амуру. Поцелуй развращает, и далее понятно — телесное соитие — грех. И тут же: религия единственная «теория», в которой пространство довлеет над временем. Можно возразить в том смысле, что грехопадение, наслаждение любовью разве не есть утверждение топоса и победа над хроносом? Нет, это кажимость со-единения. Религия не явление, да и не сущность, а именно феномен. Точнее она феноменальна. Понять ее, прописать, проговорить невозможно. Талмуд, Библия, Коран, и т.д. — только намеки или иносказания трансцендентальности «мирового древа жизни». За что инквизиция и обрела Д. Бруно на костер. За его «прямосказатель-

ную» теорию!

Даже так, что цивилизации развиваются религиозно. По скрижалям религии или религий возникают, расцветают и погибают. Почему? Потому что это происходит бессознательно, но под вывеской мирового государства. Вот парадокс. Куновская «парадигма», модная «нонче»? Она-то и нацелена на интернет! В котором и наступают мировые сумерки. Хотя, казалось бы, какое блестящее достижение науки и техники! Чем теснее, интимнее отношения как взаимоотношения между рассудками особей *homo sapiens*, тем гуще тьма между душами. Теперь «целуются» через мышки компьютеров. Куда там почте, телеграфу, телефону, кино, телевизору!

В прессе мелькнула статья о Л. Толстом про «телеграф» и «смысл жизни», «что он не сумел их увязать»?! Обособление и обособление! Ужас в том, что апокалипсис мировой неумолимо наступает. Дело не в том, чтобы впасть в обскурантизм. Но чтобы всем миром не сгореть, кому-то не нужно, а должно пойти на «костер», чтобы обозначиться душой в звездности. «Ізгі-ниет» дейді казакта! Қасақы болайық! Не в смысле упертости, самоуверенности, а самоотверженности, самоотдачи. Жаужуректе?!

Тьма наступает в смысле массы (Х. Ортега-и-Гассет) 19 . Маркс мечтал о том, чтобы наступила эпоха или даже эра «свободной индивидуальности» после времен «отношений личной зависимости» и веков «отношений личной независи-

мости, построенных на отношениях вещной зависимости». Кстати, на 70 лет мы из последних, казалось бы, вырвались, а теперь вновь уткнулись в них!

Но может быть, потому что миру всем скопом индивидов никогда не спастись? Да и «в своем отечестве пророков не бывает»? В мире всем сторонам света, а не только конфессиям, что в общем-то знаменательно, символично, нужно договариваться об отношениях, чтобы начался разговор в общении душ. Но вот откуда они возьмутся? Дифирамбы Н. Назарбаеву бывают, но как он сам относится к этому? Из будущего! Не в том смысле, что родятся новые души взамен нынешних особей. А в смысле, что мы как человечество только что родились. История — онтологическое мгновение (К. Ясперс) 20 . Божественные предначертания человечество как единое человеческое тело, как мировое дитя, может и должно исполнить. У него еще нет имени, характера, способностей, таланта, гения. Вообще ничего, в чем разнятся индивиды как «неделимости», и в этом же уперты друг в друга. А может даже мы еще не родились, но уже испытываем в мировой ойкумене предродовые муки. Хотя, где гарантии того, что должно родиться божественное дитя? Б. Брехт: «еще способно плодоносить чрево, которое вынашивало гада»! Это про фашизм опять-таки. Так оно и есть. Но это когда размножаются и устремляются в будущее, чтобы в нем господствовать над другими.

Человек не есть, а должен быть из будущего. Тут М. Хай-

деггер относительно времени прав. Вот тебе и онтология! А на могиле покойника говорят: «мир душе Твоей»! Стало быть должествующая душа рождается со смертью тела? Да и другое: «кто отдал душу, тот обрел ее, кто сохранил тот потерял»!

Религиозный опыт, представленный в разных конфессиях по-разному, но по сути воедино предваряет спасение от греховности, преступности, сатанизма для человеков. Но родился ли чело-век или все еще маячит ветхий Адам с его пресловуто-блудной Евой? М. Горький: «а был ли мальчик, может мальчика-то и не было»? «Мир лежит во зле» и в нем же, другой возможности нет, должны родиться души.

Религия, так сказать, трансцендентная трансцендентальность. Что-то вроде с этим схожа «креативность творцов экзотеричности» эзотерики. Тут у меня есть подо-зрения насчет «творчества» так называемого нынешнего человека! А если самый величайший грех его и есть, собственно, творение? Когда тварь творит? Когда она в виде гения создает шедевр? А мера его в том, что он родил самого себя и упредился в будущем? Тут-то может сатана и действует?

Душа должна родиться как мир, а не как обособленность. А будущее и есть мир, но не война, так или иначе ныне продолжающаяся между приткнутыми в «между-мирье» посредственными особями.

5. Межконфессиональное согласие из со-чувствия

душ

«Разум, сердце и воля» у Абая. Он выбирает сердце. Точнее не выбирает, а отправляется от сердца. Потому что не «мудрец», тем более лукавствующий как умник, а художник. И не деятель, примеривающийся как бы преобразовать и подчинить этот сподручный мир вокруг себя, включая ближних и дальних. У Ницше тут выкрутас: «любви к ближним и вещам я предпочитаю любовь к дальним и призракам». Вот так оборачивается установка на волю!

Межконфессиональное согласие может быть, конечно, разумным. Но согласие между конфессиями — это согласие между их представителями, а не самими конфессиями. Это, во-первых. Во-вторых, это политический расчет, применительно к современным условиям, когда все глобализируется: от экономики, политики, образа жизни, моды, рекламы до духовности, которая вырождается. И, наверное, островки духовности могут быть сохранены в мировых религиях, но без того, чтобы выпячивать преимущество какой-нибудь из них как в прошлом. Религиозные войны кончились? Ан нет, наступает сатанизм. То есть дикая воля, выскочившая из традиционного, разделяемого в мировых религиях императива: «Не моя, а Твоя воля, да будет»!

Когда в США в ходе интернет-опроса спросили: «кто из великих личностей в истории самый выдающийся», то им оказался пророк Мухаммед!»! Может быть это так и есть. Последний пророк, который от имени Бога возвестил о том, как

должен быть устроен мир человеческий. А как быть с экстремизмом, терроризмом, «Исламским Государством», действующим в джихаде от имени Аллаха? Но ведь это было и с «крестоносцами»! Разве что только отсутствует в буддизме.

Извращения в виде «программ» борьбы и догм войны могут быть освящены именем какого угодно пророка, когда конфессия превращается в профессию ее непеременимых, во чтобы то ни стало, вплоть до расплаты жизнью, исполнителей. И парадокс в том, что это души, а точнее «суверенные духи», которые «рыщут где хотят». И опять-таки, не в глобализации ли тут причина? Негатив тотальный порождает негативы раздробленные, обособленные. Гегель с его «законом отрицания отрицания» в принципе был прав в историческом и логическом плане. Да и «Франкфуртская школа» со своей «негативной диалектикой» (Хоркхаймер, Адорно и др.). Бұл азғынғаныма казіргі заманда?! До-негативились! Да и у Маяковского: «Клячу истории загоним... Кто там шагает правой?левой!левой!левой!». Воистину, «благими намерениями устлана дорога в ад»!

Но что же это получается, извращения в религиозных учениях возможны, а «рациональные зерна» не находятся? Думается, что именно в «учениях», претендующих на абсолютную рациональность, находятся иррациональные всходы. Потому что это назидательные системы, адресованные всем и всему без исключения. По Геделю, в любой системе, и в логической тоже, есть «элемент безумия». Потому что си-

стема скрывает в себе противоречие, а потому и взрывается. Вопрос только в том, как и когда? Но ответа нет.

Может быть поможет «информационный подход» в современной науке, согласно которому основой мира является «информационное поле». О чем уже как бы догадывались древние в виде «земли», «огня», «воздуха», «воды». Вот тебе и «наивный материализм»! Но по Винеру «информация — степень упорядоченности системы». И хорошо бы, к добру бы было, если эта «степень упорядоченности» учитывала души людские, то есть их топо-хроносы место-именились? Почему же тогда в «души» экстремистов, религиозных фанатиков «информационное поле» не проникает из космического порядка вещей? Потому что они таковы? Но тогда это не космический порядок? «Облегчение» в том, что «дьявол кроется в мелочах». Но тогда почему происходит этот дьявольский размен душ? Соблазны цивилизации? «Культура мертва, мы не хотим жрать труп» (один из лозунгов студенческих демонстраций 1968 года в Европе). «Мы ничего не боимся, у нас есть чем пожертвовать» (там же). А теперь узаконенные однополые браки! И «цивилизация» наступает вплоть до душ. Об этом собственно вещает постмодернизм. «Еле-еле — душа в теле»!

Но значит, религиозный экстремизм уместен, даже оправдан? Да нет конечно. Надобно открытие, раскрытие, утверждение душ. Чтобы, не душа в теле, а тело в душе себя нашло, устроилось. И тут «наши» достижения в психоанализе,

правах человека и т.д. пропадают в темноте «внутренней» души человека, т.е. в физиологических механизмах.

Межконфессиональное согласие в нынешние времена имеет место быть, но недостаточно против сатанизма. Нужно со-чувствие душ. Что не может быть декларировано, а что есть в со-вести, со-переживании, со-страдании. А это не есть разум, не есть воля, а сердце, т.е. сердечность, которая языком не проговаривается, что нельзя прописать. И в шутку, и всерьез: «Язык есть мясистый снаряд во рту для подкладывания пищи к зубам» (Козьма Прутков). В этом смысле у сердца нет языка. Хотя тема языка в XX веке оказалась такой вспахиваемой. «Язык — дом бытия» (Хайдеггер). Вон О. Сулейменов обещает «1001 слово», дай ему Бог!

Договориться, конечно, можно. Да и со-гласовать тоже. А что, если теперь самый выразительный язык — это язык террора?! И причем, опять парадокс: у террориста, жертвующего собой, как раз не душа в теле, а тело в душе, которым он распоряжается как ему заблагорассудится. Понятно, что он «продал душу дьяволу». В своей точечности он хочет потрясти мир. Не хочет он быть единичностью, а желает тотальности.

А что, если придерживаться со-чувствия «душе» религиозного экстремиста, т.е. непротивления ему насилием. Это ведь присутствует и в самих религиях? Но не в садомазохистском комплексе, а по-человечески. Последователь Л. Толстого Махатма Ганди был «великой душой» индийского

народа.

Писатель предупреждает! Но все напрасно. Он чувствует, а эти знают — тут что-то скрывается? Неизвестное тем самым прорывается. И кто прав? Никто или те, кто приобрели власть. На такую прозу обрекает жизнь. Кто такой писатель? Языковед? Нет. Кажется, у Горького: «инженер душ»! Выразимся по-другому «сочувствитель душ»! Да ведь даже смотря по «ящику» детективы, хочется, чтобы преступник смог удрать!?

А еще шире по «территории заблуждений» в связи с «тайнами мира» — может зеркала мира отражаются друг от друга? Мы не знаем и знать этого не можем, но воспринимаем или даже ощущаем, а подняться от этого до «абстрактного мышления» не можем, потому что с «инопланетянами» слишком «кровнородственно», генетически связаны. Аргумент от того, что они превосходят, тут работает. Зачем им встречаться с нами. Но что-то вроде происходит.

Но вселенная познается нашей «вселенскостью». Откуда мы можем догадываться о существовании внеземных цивилизаций, если в себе необъемлем, не обладаем возможностями того, что допускаем существование иных разумных существ. Правда, каких иных? Может «внутренний мир» человека — это то, что отвечает «черным дырам» космоса, и именно они коррелируют друг с другом?! Большая «черная дыра» и «внутренний мир» человека, который вроде точечен, перекликаются друг с другом? Это взялось оттуда?! Это

сообщается с тем?!

Человек космополит, никуда от этого не деться. Человек как «промежуточное существо» и снует (если думает и ищет себя) в прошлом и теперь — между Богом и дьяволом. Но почему тогда не пишется? Все известно, все понято, открыто... И/или была компиляция, а не какое-то открытие сокровища?

Отчего писалось? От Иного, наверное. И что теперь? Теперь все — умереть! «Все, приехали»! А может силенки стали слабы, что «не держат руки перо», да и не хочется (почему?). Не о чем писать, все известно. Вот тебе постмодерн! Процесс кончился, теперь со-стояние. А как его выразить? В нем можно только пребывать. А выйти нельзя... Вся жизнь в заблуждении... Но, правда, откуда это знаем?

Но может не пишется, потому что мыслится. Все мыслится. По-мысле — из информативности. Мысль всегда подозрительна. Откуда она берется?! Или не берется, а присутствует и действует? Почему? По-чему? Почему она не всегда в нас? В нас всегда чувства, но мысли прерывны — почему? Декарт тут не помогает. Потому что мы существуем. И не существуем. В самом существовании. А может и отвращаемся от него?! Ничего не подсказывает. Но мысль приходит и уходит. В чем дело? Человек — Мир? Их взаимообращения? Ну и что? Что это они взаимообращаются? Они помнят друг друга как ум и поос.

Но памяти нельзя доверяться... теряется. Манкуртизм су-

существует, но это феномен цивилизации. А у Гегеля: «память — это виселица, на которой болтаются греческие боги»! Поэтому что в многобожии вера не выдерживается, а скорее по Гегелю это не рационально, не разумно.

Писать, записывать, и чтобы писалось — хотеть, вот что надо. Не «лыко в строку», а то, что просится к обозначению души. Память пряма, а может быть и тупа, мысль же крива как рефлексия, иначе это и не мысль. Она ведь дьявольщина, которая посещает человека. «Разум — шляха дьявола» (М. Лютер). Испытание во-истину... Но к праведности, не так ли? Проба согрешения, чтобы искупиться?! Действовать — значит грешить!

Когда есть проблема, которой озадачен, даже в конъюнктуре — работается. А так повторы одного и того же, какие-то из опыта сентенции ли, рифмы ли... Все нудится и нудится. Повседневность, обыденность озвучивается монотонно в каком-то случайном мотиве, говоре, образе и, бог его знает, в чем только не бывает, навязчиво...

Что это, психическое состояние выдохшегося в поисках истины и себя человека или перепутье, философски обозначаемое как кризис и требующее своего разрешения? Или это наступающий при жизни сон перед смертью? Начинает сниться, перестает жить? А это сродни с повседневностью? С кажимостью жизни? То есть даже не с существованием, а с пресуществованием? Так что жизнь заканчивается до наступления смерти. Между ними нет мгновенного перехода (за

исключением катастрофы). То есть жизнь начинает нудиться в существовании, рутинеет в пресуществлении (или как это еще выразиться?) в наступающей смертности. Мы теряем лицо, личность, самость, хотя кажется и «живем»!

Но к тому же... Что было, то прошло, зачем возвращаться к прошлому? А возвращается. Почему? Привычка? Надо отвыкать. Глядеть внове. Вот теперь, сейчас! Точнее, слушать, слышать голоса прошлого. Быть со-временным, не это ли предназначение, которое не исполняется в смотреии на настоящее. Обратная проблема: информация — знание — мудрость? Да, можно не возвращаться. Но я жалею «старые вещи», которые были в употреблении, но вышли из моды, практики. Ведь в них было что-то звучащее, но в свое время лишь видимое. Зачем выбрасывать?

Надо все время поправлять, ладить. Откуда, что возьмется иначе? Может даже подправлять то, что было в так называемой «духовной жизни». Но что там собственно было? Не слишком ли все дыряво? И звучат «иерихонские трубы». Например, от экзистенции к постмодерну — ну и что? Что изменится? Сама жизнь или «образ жизни» как раньше говорили? Да, со-временность! Да, но в чем и где к ней находиться — в позиции или оппозиции? Как вообще быть? Жизнь, положенная за истину? Где она? А что там было все-таки? Что может быть теперь? И было ли? Смутное ощущение. Чего? И возможно: хочется все еще от того, что можется. Испытаний, которых не довелось испытывать. Все еще не то.

А что же еще? Что? Куда? Да и откуда? Странно? Вырвалось ли человечество из объятий «идолов» Ф. Бэкона? Например, Америка — «вымышленная страна»! Дутая демократия! И что из этого получилось?! Бомбят, где «по-ихнему» не то. Поклонение вымыслу — как «коммунизму»? Все вопросы, а ответов нет. К тому же те «индейцы», которых не было, но их обозначили?!

И все еще мысли невольно вращаются вокруг «особы» человека — будь то «несказанность» его или теперь «космополитство». А где реальность? Какая-то обреченность в протагоровском тезисе: человек — мера всех вещей... Трактуй его или переосмысливай в трагическом или мифическом ключе. Но все равно — упертость в человека. Неизбавленность от антропоцентризма. И неужто философия только этим и ограничена, в отличие от других социально-гуманитарных дисциплин, в которых хоть как-то схватывается реальность, разрабатываются программы и т.д.

Ведь мало говорить о бездуховности, надо быть алармистом. Не только «кто виноват», но и «что делать»? Нет, мы не знаем еще человека, а лишь редуцируем его к чему-то единичному. И это происходит неумолимо, механистически или даже рационально-логически в описаниях того, что есть человек. Говоря «человек», я его уже убиваю: человек больше чем обстоятельства, среда, общество и даже мир. Он космополит. Мир его укладывает в свои порядки, т.е. ограничивает, а он не укладывается, не ограничен миром. Человек

не есть «человек», он сверхчеловечен, т.е. превышает все, в чем себя находит. Это и есть сверхчеловечность. Что-то понимается из не-понимания, мы находимся во вне-находимости. Нужна не объективность, она вполне достижима. В принципе в мире все устраивается по-человечески; эволюционно, революционно; технически, технологически; экономически, политически; цивилизационно, культурно... И во всем этом распростерт именно человек. И его-то мы и схватываем в этой мировой охваченности. Но откуда, почему — не знаем? От Бога в дьявольщине? Возможно. Но неужто нет другой возможности? Чтобы знать все существующее как человеческое или, наоборот, все человеческое как доступную реальность? И может статься, это знание из не-знания, но которое не предшествует знанию, а упреждает его. Не-знание, в котором мы сверхреальны, позволяет реальности быть в познании. Но опять же экзотерическое из эзотерического, явное из мистического и т.д. Все это уже прописано, обозначено, изображено. Намеков на это в психологии, религии, искусствах предостаточно. Но в этом ли только и дело? Понятно, что живем мы в мире несовершенном и все ищем и ищем, а находя нечто, затем от него отворачиваемся непременно. Оно оказывается иллюзией, «слишком человеческим».

А если не человек в сверхреальности, а сама реальность, оказавшись человеческой, превращается в ирреальность, то реальность всегда сверхреальна? А человек есть существо челночное, снующее между ними как паук в паутине. И

сверхчеловека нет, но сверхчеловеческое есть...

Борьба за существование продолжается. Как между цивилизациями, так и между людьми вплоть до семьи... Тяга к власти так велика, что и не уразуметь еще. Вплоть до интимнейших отношений. Почему? Природа!

Просвещение?! Очередная глупость и продолжающаяся тупость. Гоббс был прав: «человек человеку волк!»

Межконфессиональное согласие? Меж...? Между... что творилось? Не с кем-то, а между? И почему творится? Власть, богатство, стремление к вечности...? Последнее особенно подозрительно! Что там, за гори-зонтом? Может быть «звездное небо над головой» должно обернуться «нравственным законом во мне» на земном шаре? Две вещи, которые волновали И. Канта! И откуда я могу знать об этом? Скорее знать я не могу, но в душе чувствую и баста.

Межконфессиональное согласие долженствует про-светом со-чувствия душ. И тогда «свет людей во тьме светит, и тьма не объяла его». Этот про-свет нынче почти не пробивается во тьме отчуждения людей и самоотчуждения человека. До-йдется ли, до-станется ли до человека? И в этом опусе (имярек автора) не очередная ли «безродная» потуга?! Да, сочувствие душ не психологическая подпорка меж-конфессионального согласия, даже не дополнение к нему, что можно было бы спокойно допустить. Сошлюсь на авторитеты. «Верую, ибо абсурдно» (Тертуллиан). У Серена Кьеркегора: «Феномен веры — в превышении об-

щего единичным» 21 .

У К. Ясперса утверждается «философская вера». «Галилей знает, Бруно верит» 22 . Первый под давлением инквизиции отрекается от своей теории. Второй идет на костер по убеждению в существовании множества миров.

Вот так, наверное, «работает» религиозный фактор духовности. В связках, увязках, эмпатиях множества душ предстает не трансцендентный дух, а трансцендентальная духовность человека.

... Что же касается «между» (философская категория М. Бубера, на которой строил свою философскую поэтику Бахтин), то она отличается тем, что никогда не бывает предметом? 23 Не бывает артефактом, пусть даже «когнитивным». Это значит, что никакой текст и никакой автор не смогут заполнить собою «между». Все, что он сможет сделать — это инициировать диалогический процесс, а заполнять будет читатель 24 .

Это я к тому, что должно быть учтено в следующем разделе. Для понимания (при ознакомлении) того, что там излагается.

Раздел

II. ДОЛЖЕНСТВОВАНИЕ В УТОПИЯХ

1. Акмеология образования:

топос наставника и хронос ученика

Сдается, не ребенка надо учить, а учиться у ребенка. Поэтому вся педагогика стоит на голове, а нужно поставить ее на ноги. Топос образования подчинить хроносу акмеологии. Педагогу не узурпировать время. Оно принадлежит ученикам, ему самому нужно лишь представляться топосом. Причем истина-то во времени, а заблуждение в пространстве.

Акмеология, если она вообще возможна как проповедующее движение к совершенному разуму, истине-добру-красоте, насквозь парадоксальна. В ней смысл из бессмыслицы, свет — из тьмы, начало — из конца и т.д. Это не диалектика как единение противоположностей или как триада: тезис-антитезис-синтезис. Но и не постмодернистский отказ от бинарности логических пар и «уткнутость» в плюрализм; децентрация, деконструкция. Когда у Лао-Цзы спросили, что такое «Дао», он сказал, что не знает, что это такое, хотя, как будто-бы это путь к совершенному, даже «Великий путь». Но в этом воздержании от ответа основоположника даосизма что-то есть интуитивно основополагающее, изначально предвосхищающее совершенную мудрость. Не навязчивое наставничество, не претенциозное все-знание. Что перекликается с Гераклитовским «много-знание уму не научает» и с Сократовским «я знаю, что ничего не знаю, а другие и этого не знают».

Вообще говоря, акмеология ничему не учит, практической пользы от нее не приходится ждать. Она не прагматична. А потому и не может быть как-то приспособлена, внедре-

на или пусть с оговорками интерпретирована применительно, в данном случае, к образованию.

Но тут разговор, кажется нужно повернуть в другое русло или даже обратное русло. Потому что акмеология не может быть инкорпорирована в систему образования, с ее программами, с ее градациями на начальную, среднюю и высшую ступени, а внутри них на классы, курсы, на фундаментальные, общеобразовательные, специальные предметы изучения. Акмеология в образовании только упирается в тупики. А это ныне обостряется в использования средств информационных связей. Учитель, наставник ныне — это изжитая, анахроничная фигура. Никакой ученик, никакой студент, никакой слушатель теперь не скажет с пафосом: «Учитель, перед именем твоим, позволь смиренно преклонить колени!» Но не будет же он «преклонять колени» перед компьютером, потому что в нем он тонет! И все идет к тому, что «система образования» будет окончательно деперсонализирована, как со стороны учителя, так и со стороны ученика. В вузовском образовании еще хуже, все тонет в тестовых наводнениях.

Аргумент — это во имя «объективности» заслуживаемой оценки! Но вот интересный случай. У профессора Кембриджского университета спросили, «а почему Вы не используете тестирование?» он ответил: «не хотим унижать студентов!» Вот так-то вот «прагматизм» как раз в образовании может обозначать совершенно обратное. Чем то, что

в нем обычно подразумевают. Другой аргумент — от современности. В образовании нужно использовать современные средства и наоборот быть на уровне современности — это пользоваться средствами современной связи. Это и есть «язык со-временности», т.е. информация. Я, не устаю, я даже назойлив в повторении Элиота: «где та мудрость, которой не стало в знаниях, где те знания, которых не стало в информации?» Поэт озадачен, а кстати, в поэзии всегда есть растерянность от со-временности (к тому же пресловутой). Современность тогда современна современниками, когда она самокритично оценивается, осмысляется, означается. «Не спи, не спи художник, ты вечности заложник, у времени в плену» (Д. Самойлов).

Это не значит отвергать современные требования образовательному процессу. Конечно, нужно готовить специалистов, которые могут быть востребованы временем. Но вот далеко ли уедешь на этом «требовании»? «Специалист подобен флюсу, полнота его односторонняя» (Козьма Прутков). Но что же тогда может быть актуально в образовании?

Увы, именно то, что акмеология не может «сунуться» в педагогику. Мною затронутые в этом пассаже вопросы, далеко не исчерпывающие тему. Я думаю, что от акмеологии к образованию путь не проходимый в том состоянии, в том понимании образования, которое ныне имеет место быть. Оксюморенно выражаясь, это «образование — давание», пусть даже «образование — представление» или «образование —

просвещение». Но туда идеалу совершенного не пройти.

А вот обратное — от образования к акмеологии возможно и нужно. Вернемся к началу размышлений. Не от родителей к ребенку, а от ребенка — к родителям вот даже не вопрос, а запрос времени!

Тут Гегель с идеей «становления» прав был. Но преломительно в отношении акмеологии и образования, первую надо сообразовать в подчинении второму. Что за учитель, которого не превзошли ученики, не отвергли, а в своем превосхождении «отплатили», поставили над всегдашним, «надоевшим» во времена обучения его «и», ихним «над-и». Но вот тут у Гете: «все совершенное не бывает завершенным!». В произведении совершенном незавершенность и есть тайна; если Венере Милосской приделать руки, будет ли она совершенной?! Разговор, кажется, отвлеченным, но обучение, образование, педагогика — производя законченные фигуры обученных, воспитанных достигает ли цели? Т.е. достигает, конечно. Но тут голое образование, формообразование, никакой акмеологии. Воспитанник даже не совершенен, а закончен, выполнен, поставлен на место. Да, ему возложены задачи, поставлены цели. Все, иди работай! Ты готов! Я свое дело сделал! А на самом деле он обкраден. У него убито будущее.

И что же тогда: образование есть освобождение того, с кем «занимаются», от предрассудков прошлого, стереотипов настоящего и благословение на перспективы будущего с про-

никновенным признанием гения его свободной индивидуальности?

От чего же отправляться в самом образовании, чтобы оно тяготело в сторону акмеологии? И какова все-таки при этом роль наставника? Потому что, наставляемому это «темный лес», да и не обязан он это знать. Как же тогда учитель может и должен содержать «две стороны одной медали»? А он это должен. Значит двойничество, на которое обречен наставник неизбежно? Иначе к акмеологии от образования поворота не осуществиться?

Ну тут даже вещи расхожие могут быть констатированы. «Болезнь душой», «плохих учеников не бывает», «не так как надо наставил» и т.д. А.С. Макаренко с «педагогической поэмой» был прав и на правильном, перспективном пути. Ныне в школах, наверное, гораздо больше «испорченных» современностью детей, чем в те времена. Но учли ли его опыт и учитывается ли он — вот вопрос?

Слово «двойничество» может быть не совсем корректное. Нужно поразмышлять. Но тут и не категорически императивное: подумай, что ты собственно дал? Причем ведь это как потлач без взаимности, безвозмездный дар. Вопрос, беспокоящий постмодернизм. Возможно ли это? И может быть даже это фокусный вопрос всего образования при усиленном педалировании его акмеологического от-ображения?

Экономически, политически это невозможно. Морально — да. Кант с его категорическим императивом. Но тут, ка-

жется нравственность «вторгается» в образование. Точнее, образование, дескать должно быть прежде всего нравственным. Но в этом есть какие-то отзвуки наставничества, поучительства, научительства. Попытки распространения того, что образование есть рост нравственности, т.е. должно быть, прежде всего, таковым. Но нельзя забывать, что мораль есть «бессилие в действии». Часто она оказывается «морализаторством», т.е. поучением, научением, наставлением.

Значит мораль не спасает? Образование к совершенно-мудрию таким образом не обернется? А что же нужно? Что делать с образованием, чтобы оно преобразовалось в устремлениях к совершенному образованию? Но тут, кажется очередная «собака закрыта», да простится мне! Совершенное образование или само-образование как преобразование в совершенное что-то? Что это? Может вместе с просвещением и после него, вплоть до сих пор образование не отказалось от себя как от образовательности (образованщины) и «тучности» в этом качестве дотошного всезнайства?

Индивид как неделимый персонаж-индивидуум может взорваться массой информации, которая в него впихивается. Так где же выход? Где акмеология? Где совершенная мудрость? Что-то все это не находится?

Мы, наставники, этого знать не можем, сколько бы усилий ни прикладывали. Это мы портим последующие поколения, вплоть до собственных детей. Совершенное ни сообщить, ни поделиться им невозможно. Фигура «двойничающе-

го наставника неизбывна» и была во все времена. Где-то прикасаемся к совершенному, которое в нас и вне нас. Оно в воспитуемых, оно в образуемых нами. Но вот, в качестве каковых нами? Где мы источаем ложь, а где мы искренни в правде? Вольны ли мы, в стараниях не только слушать, но и слышать, не только смотреть, но и видеть? Признательны ли мы перед теми, кого учим, что они учатся, т.е. что учат себя?

Так что, акмеология образования должна приниматься как муки мученические при отсутствии того, кого обучают, как будто это его присутствие. Из небытия его порождение. Если угодно, брак с небытием, из которого — бытие прозрения. Но повторяю: свет во мне как претендующему на совершенство из тьмы будущего. Тут странно, но это так и есть, не «свет во тьме светит» (просветительство), а «тьма просвещает-ся». Свет не одолевает тьму, да и не может этого достигнуть, а тьма одолевает, преодолевает себя. Да, образы, но что же делать! Это ведь сфера образования!

Да, обучаемый темен, но это только повод, моя собственная темнота — вот *causa sui*, из которого *ergo sum*. Каузальность не универсальна. Но в данной ситуации обучаемый трансформируется в мое собственное второе, смутное Я и абсорбируясь производит со-бытие урока для обеих сторон. Открывается просвет диалога. То, что я говорю другому, я говорю самому себе. Монолог как диалог и диалог как монолог. Без этого в педагогике не обойтись. И не надо здесь их разлучать. Потому что совершенство диалога не в преодоле-

нии, отвержении монолога, а в его сохранении. И наоборот, монолог в диалоге позволяет быть «душу живу». И дальше больше, и каждый педагогический, образовательный акт — это многообразные акты — акции монолога-диалога. Все и может даже радикально внове. Урок, лекция, даже назидания, напутствия.

Акмеология не нуждается в образовании? Но она тогда беспочвенна, бесплодна? Хотя образование тоже не может обойтись без акмеологии, иначе оно посредственно, сводится к «прописным истинам». Что в чем больше нуждается, один бог знает! Ситуация совсем — не совсем сциентистского, технократического, просветительского характера. Тут есть и исключения в восточном умонастроении. Может даже на Востоке, к чему претендуем примыкать и мы — казахи, акмеология и образование — одно и то же. Т.е. акмеология и образование как самообразование? Может, кажется, может!

И что же тут загадочный Восток «подсовывается», прошу прощения?! Да нет, но видимо «восточность» — штука более серьезная, чем это кажется, на первый взгляд.

В духовной, да и интеллектуальной, а далее материальной культуре нет анализа-синтеза, индукции-дедукции и т.д. западных методологически-методических приемов-средств для овладения миром. И не иных ли миров, а не только и не столько близлежащим?!

В «Поднебесном» Конфуций заявил: «Говорящий не знает, знающий не говорит». Он осознавал себя как Учителя и

свое предназначение претворил в жизни. Как это было возможно? Молчал перед учениками? Говорить-то все равно приходится? Да, но тут и другое, более жесткое: «изреченная мысль есть ложь». Вплоть до болезни, называемой ипохондрия — недержание слов. Для женщин — это норма, а когда это проявляется у мужчин, то он теряет мужское достоинство. Но это в психологическом срезе, а нам нужно уловить совершенно-мудрые из любви к мудрости, т.е. философии. А вот у М.К. Мамардашвили «философия — это сознание вслух» 25 . Что это, как не сознательное блуждание в словесных лабиринтах мысли?! С тем чтобы исчерпать пространство заблуждения и «поставить точку над и...» во временности (беременности) истины. Истина не добывается, не постигается, а порождается и в буквальном, и в фигуральном смысле. В христианстве это зафиксировано в первородном любовном грехе познания Адама и Евы. Познание — грех, потому что оно есть переступание через «меж», между-мирье Я и Другого, его аннигиляция. А информация? Это штука вообще бесполой как «степень упорядоченности системы» (Винер). Степень равнодушия — можно и, так сказать. Может в информированном обществе и начали «плодиться» однополые браки? Но тут и другое просматривается. Расхожее утверждение, что «изложенная мысль есть истина». Это что истина? И в этом наше спасение, надо писать и писать? Излагать и излагать? Да, но так можно и изолгаться, в мыслеизвержении самоопустошения. Вместо садизма

— мазохизм. Это не выход. Собственно, информация и есть «изложенная мысль», след мысли, а не сама мысль. А по проторенным путям идти легче легкого.

Значит, к совершенно-мудрию путей нет, есть только один выход как отход — идея «вечного возвращения» Ф. Ницше. От информации назад к знаниям и от них просыпание, протрезвление в ретроспективе мудрости. Восстановить первоначальное наследие «инопланетных богов». О посещении ими нашей матушки-земли высказывается теперь множество предположений. Да и не наказание ли нам осуществилось в соблазнах познания, а подавно и в информационных сумасшествиях? Это, так сказать, негативное доказательство их со-присутствия в нынешнем апокалипсисом дышащем мире. Слишком много «постов» обозначилось. То ли еще будет.

К детям нужно обращаться из детского начала человечества. Не тарабарщину гнать, подыгрывая им, а производить деконструкцию современности, добираться до корней — ризомов установившегося пространства и т.д. К чему призывает постмодернизм. От ложного света во тьму веков погрузиться. Это не обскурантизм. Просто в нынешней ситуации есть многое, чем нужно заниматься, в чем разбираться, а особенно в образовании. Уже у Платона в этом смысле сознание еще не грех, а «воспоминание души», о том прежнем состоянии, в котором она пребывала. И это состояние совершенства. Но Аристотель все это испортил со своей логикой, на которой до сих пор зиждется вся педагогика. Его обзыва-

ли «аптекарем», т.е. понимай — специалистом, располагающим всеми доступными средствами решения каких угодно проблем. Да, но «скажи-ка милейший, а не излагаешь ли ты сам акмеологию образования» — могут задать вопрос?! Ведь надо дело делать, а не рассуждать по данному поводу? Так-то оно так. Но все это предваряющие, «примерные» размышления, вынужденные потуги к акме в учебных занятиях, «от ложных знаний к истинному незнанию», чтобы на деле это продемонстрировать перед слушателями. А главное «задеть», затронуть их не интеллектуально, а в душах, «про-воцируя» на вопросы. Если вопросов не возникает, занятие не состоялось. Почему души, а не интеллект? Потому что учебные занятия — это не соревнование в знаниях учителя и ученика. Впрочем, тогда «победа» за учителем оказывается. Да и вопросов не возникнет, потому что заведомо известно, на чьей стороне превосходство. Что, кстати, мы и показываем каждый раз. Но что такое душа? Психэ? То, что находится в теле, а что там находится? Что-то? А что? Неизвестно! Тем более: «чужая душа — потемки». Во всяком случае, загадочна!

Но вот тут-то вероятно и обозначается просвет для акмеологии в образовании. Слушатели не посторонние другие, их нужно разбудить из равнодушия. А для этого — диалог-монолог и монолог-диалог. Между наставником и учениками прогуливается, если «не шастает» туда-сюда, кто-то «третий», бог его знает кто, он незримо присутствует, дол-

жен присутствовать и каждый раз внове сообразно предмету, теме, вопросам, ответам. И думается, что скорее всего его можно представить или вообразить в виде (идее) духовной субстанции. Но не замкнутой на себя системы, потому что это-то и закреплено в программах пре-подаваемых дисциплин. А как тут же возникающая, расширяющаяся и поднимающаяся вверх «воронка» мыслей-соображений. И даже это возникает не из усилий наставника в чем-то наставить учеников или из стараний учеников вслушиваться в то, что им излагается, старательно это фиксируя в голове или записывая. Работает именно эта духовно-субстанциальная «воронка» (не знаю, как ее можно было бы назвать?). Из сообщений душ с их вопросами, в том числе и преподавателя ответы приходят откуда-то сверху, но не как готовые решения, а призывы — вызовы к подъему к себе. Что это как не ноосфера Вернадского? А может еще выше — «звездный космос»? Хотя между ними должна быть и коррелятивность? Вот куда устремлены души людей и откуда они возможны в их вопрошаниях о себе.

«Человек растет корнями вверх» (П. Валери). Обратите внимание — не особь среди особей, а чело-век между обособленными индивидами как неделимыми атомами. А у Ф. Ницше по этому поводу ироническое замечание: «не индивид, а дивид!». Но тут же и феномен отчуждения как обособления замкнутых на себя индивидов. Откуда Фейербах представляет сущность человека как отчужденную в бо-

ге. Это тоже примечательно, нам намекается, из чего можно и нужно искать себя в своих душах.

Но вот вольно-невольно наплывают и реминисценции из Г. Лейбница насчет его «предустановленной гармонии». Монады собственно и есть души. И души всегда вопросительны (?). И, наверное, именно потому, что они «без окон, без дверей», как ерничали над монадами Г. Лейбница. А гармония между ними восклицательна!

Опять тут, кажется, переключка веков — теперь уже между Г. Лейбницем и Вернадским! Отсюда — туда, оттуда — сюда, из точечности — многоточие, из многоточия — точечность.

Но эта вопросительность души не может быть учтена и признана, если душа помещается в тело, а не тело в душу. Конечно, есть высшая нервная деятельность, есть генетика человека. И даже стали открываться гены воина, гены жестокости, гены счастья и т.д., и т.п. Сомневаться в них не приходится. Но не говорит ли это как раз о том, что не душа в теле, а тело в душе? Да, способность, талант, гений. Имеются наследственные, генетические предпосылки. Но их же надо реализовать воочию? А откуда же аура, харизма и вообще личностность? Личностью ведь не рождаются, но становятся. Искать добро, зло, истину в самих генах тщетно, наверное. А их мутации, их комбинации не из встреч ли наших предков, наших родителей возникают? И может быть даже не соитие сперматозоида с яйцеклеткой, а преимущественно —

(не параллельно) раскрытие личностей навстречу друг другу в «душах — вопросах» является решающим, завершающим всю эту комбинаторику, когда из хаоса рождается порядок, точнее синергетический хаосмос.

Вообще, в образовании вопросов должно быть больше чем ответов и только тогда оно совершенствуется. Какое-нибудь излагаемое решение порождает множество, веер проблем. И только тогда образование как система оборачивается на открытость мира душе человека. Поэтому в акмеологии образования есть и феноменологический оборот, где не человек глядит на мир, а мир смотрит на него. Первое есть подозрение, второе — видение. Конечно, это не вещи, а сам далекий, бесконечно-далекий от себя человек зовет к себе из «мимолетности видения». Через вопросы надобно читать великую «книгу бытия», прорываясь, продираясь через все уже написанное.

Образование не дается по писанному, оно есть разговор душа в душу. И при этом души со своими вопросами уже одеты в ответы, решения, требования тел. Но достаточны ли они? И чего еще не хватает? Мы прикрываемся в своей наготе «одеждами», в которых снуют вкусы, реализуются предпочтения, высказываются мнения, обмениваются точки зрения. Но если они вытащены из «погребов» бессознательного или посланы генами, то и возникает разногласие, расхождение, столкновение между ними. И как бы в продолжение, завершение «Вавилонского столпотворения», когда бог сме-

шал все языки, ныне гетерогенность языков оборачивается тотальной текстуальностью мира. И о каком тогда «разговоре душ» может идти речь?

Да, но это и есть «информационный взрыв» как вызов современности. Образованию к акмеологии или акмеологии к образованию не протолкнуться в этом смешении всего и разброде, раздрае, разврате!

Если этот «разговор душа в душу» отсутствует, то у образования нет подпорок-оснований сценарности, в которую мог бы входить наставник как режиссер со своим акме. Это не менее, а может быть даже более важный момент после тех, которые мы попытались обозначить. Не вмешиваться в разговор, откуда ни возьмись, а налаживать, открывать, утверждать таковую сценарность образования наряду с тем, что наставник подставляет себя как топос ученикам, которым предоставляется преимущество хроноса. Потому что обучение как самообучение происходит в их общении друг с другом. Отсюда каков социально-психологический климат, каковы ценностные ориентации, жизненные установки в школьном классе, в студенческой группе — это всегда актуально, символично.

Из ретроспективы мудрости прояснять нынешние знания, а тем более деконструировать информационную современность из постсовременности. Что для них «современно?» — вопрос, который должен быть поставлен во главу угла и постоянно подвергаться рефлексивному осмыслению. Сове-

менность должна быть взята в скобки или даже капкан мудрости и постмодерна. Чтобы дух акме дышал им в души, сея сомнения, чтобы освободиться от них в совместных усилиях, т.е. не совсем по Декарту, а в «треугольнике»: наставник — слушатели. Потому что это сфера образования, все же.

2. Испытание ненужности миру

Будучи профессиональным философом и размышляя о мире и своем месте в нем, все более убеждаешься в «безответности философии».

Что это значит? Может это некорректное выражение? Разве не существует философских решений проблем, принципов, законов? Конечно, существуют, но философия ли — это как «любовь к мудрости»? Или это «онаученная философия», пытающаяся найти наряду с другими науками или в первую очередь средства, методы достижения истины? Но тогда это не философия. Вообще любовь, а тем более любовь к мудрости, не имеет средств своего достижения. Подлинная любовь безответна, она не может претендовать на безусловную взаимность, рассчитывать на обязательный успех. Это любовь к богу, женщине, ребенку, родине. При всем старании никто не может быть уверен, что он выполнил свой долг перед ними. Поэтому и остается «на дне отчаяния испытать глоток надежды».

Вот у Аристотеля: «из всех наук самая бесполезная — это

философия» и добавляет: «Но я не знаю прекраснее науки чем философия». Красивые слова. Но сбивает с толку то, что это наука, т.е. опыт, теория, учение, чем можно овладеть. Вообще даже странно, что существует такая «любовь»? Другие виды любви каким-то образом осуществляются, удачно или неудачно, бывает разное. Это описано в комедиях, драмах, трагедиях, да и в своей жизни мы это испытываем. Но вот в философии гарантий на взаимность вообще не существует, несмотря ни на какие наши амбиции, мир ближних и дальних с нами не разговаривает, не находится в ладу, в полном взаимопонимании: это и есть феномен отчуждения. С этим же связаны проблемы языка в философии XX века и по сию пору, вплоть до постмодернизма с его «нарративами», «деконструкцией», «смертью автора» и т.д.

Моя мысль, а может и не мысль, а чувство, хорошо бы если это было внутреннее чувство, интуиция, к этому подталкивает экологический кризис, что мы должны испытать ныне свою ненужность миру и в том же обрести необходимость. Это и будет философией как подлинной «любовью к мудрости».

Отсюда, в первую очередь, вопрос: «разрешима ли экологическая проблема»? Но, с философской, а не с технократической точки зрения. Тут даже не «точка зрения» пресловутая нужна, а сердечно-духовный алармизм долженствовывать. Мир нельзя познать, он познается (познает себя). Нужно оправдать «ум вещей» (Анаксагор) 26 . Нужно отсечь от

человека то, что он себе присвоил в роли субстанции вместо субъекта. Познание не есть все, т.е. оно не всесильно, оно не есть высшее проявление человеческого в человеке. Познание есть искушение небытия, нагло где-то рядом таится дьявол: познание — грех и нужно покаяние с тем чтобы спастись. За каждую мысль нужно отвечать.

И истина не в знании, а в заблуждении, в котором мы за истину выдаем некие знания. Но это можно понять лишь в духовности или, что может быть точнее, душевности. Почему?

Знание — это присвоение, подчинение, господство. А тем более сие относится к информации. Человечество скачками шло от мудрости древних к знаниям специалистов (теоретиков), затем — к информации, уже вовсе обезличенной как «степени упорядоченности системы» (Винер). И пропадает человечество в перспективе именно в том, в чем оно кичится в качестве достижений перед природой. Торжеством всего этого процесса стал интернет — самозамкнутое виртуальное пространство, «мировая паутина». А это ловушка цивилизации, электронный капкан, из которого на природу вряд ли возможно выбраться. Это и есть факт сумасшествия человечества. Всякое достижение человечества ровно настолько же есть добро, насколько и зло. А когда добро и зло сбалансированы, то обычно побеждает зло.

Можно сказать и так, что если человек из себя, антропоцентристски познает мир, то мир узнает человека в виде уси-

ливающегося, торжествующего носителя зла. «Еще способно плодоносить чрево, которое вынашивало гада» (Б. Брехт).

Но нужны ли мы миру в этом качестве? В чем наша необходимость миру? Вопросы риторические, конечно же мы не нужны миру, мы не обладаем тем самым и свободой, а стихийны, перед чем все стихии природы ничто.

Человечество до сих пор пробавлялось заблуждением, а не истиной. Не заблуждение было моментом истины (расхожее положение диалектики), а истина моментом заблуждения. И это нужно уяснить из экологической ситуации. Требуется вообще переоценка всех ценностей цивилизации, кардинальный пересмотр себя в мире. Необходимо отчаяние небытия, в котором человек застигает себя в знании бытия (здесь и теперь, в телесности).

Человека-то может никогда не было?! Это ситуация, в которой впервые должен родиться человек. Все мы принадлежим одному и тому же телу. Не было душ, были тела. Не было, главное, свободного человека, необходимого миру, были случайные индивиды, какого-то черта появлявшиеся на свет божий, в необходимости лишь самим себе. И эта необходимость должна быть кардинально сломлена на необходимость миру. Ветхий Адам одряхлел в активизме познания, он уже все знает, но ничего не может. Новый Адам должен появиться не как представитель Гомо сапиенс. Знать — значит быть для себя. Ведать — значит покоряться миру, созерцать в неразрешимости.

Философия как безответная любовь к мудрости, далее, предлагает избавление от преступности мысли.

Благостных мыслей не бывает, мысль всегда преступна. По признанию Ф.М. Достоевского, он «всю жизнь за черту переходил».

Его же: «право необыкновенного человека на кровь обыкновенного». Ответа нет, но соблазн мысли есть. Обоснованной может быть не нравственная норма, но только мысль в ее преступности относительно других — ближних и дальних, да и мира в целом.

Противоположным образом преступность мысли демонстрирует Ф. Ницше, как страдающий атеист. «Падающего толкни» — вот мысль, которой никто иной не достиг. Если Достоевский пытается как-то ограничить зло в человеке, то Ницше демонстрирует его в сонме мыслей, он апологет зла, а потому и остается до сих пор не понятым и не принятым.

Благая мысль была бы, если бы мы могли переступить через себя. Но это невозможно, поскольку мыслить — это впадать в небытие. Декарта надо пересмотреть: мыслить значит не быть! Чтобы было бытие других и мира нужно не быть. Бытие не постигается бытием, но только небытием. Это допустимо. Но картезианское «мыслю, следовательно, существую» как раз и говорит о преступности мысли, которая владеет нашим существованием перед небытием мира. Правда, с картезианских позиций это не рефлексится. У Достоевского же это нащупывается или точнее прощупы-

вается. Достоевский страдает мыслями. И он их допускает, чтобы страдать. Преступность мысли — это обращенность к дьяволу, а не возвышение к божественному. Бог ведь не мыслит, мыслит дьявол! Бог все знает, и мышление ему не надобно (Ортега). Дьявол ничего не знает, ему позарез нужно быть умным (тема двойника в «Братьях Карамазовых»).

«Дьявол кроется в мелочах», а знания должны быть точными и если дьявол есть «небытие, притворяющееся бытием» (Бердяев), то в мысли как состоянии небытия он и дан. И, следовательно, во всякой мысли он вновь и вновь просыпается во мне, разевая пасть, издавая зловоние и решая, чтобы этакое натворить в этом слишком благодатном мире. И Достоевский, может быть единственный писатель, который эти козни дьявола ухватывает, по-настоящему беря саму мысль в оборот, ища ее альтернативы в добре и красоте, и склоняясь в пользу красоты, которая «спасет мир».

Зло не может быть преодолено добром, так как оно через собственнический инстинкт человека оборачивается «барахлом». Истину человек не знает, а чтобы знать идет на сговор с дьяволом (тема Фауста). Красота не противоположность дьявола, который уродлив, а та сила, перед которой он скукоживается. В ней человек восстает из небытия мысли. Но это уже не мысль, благодаря которой я существую (Декарт). Грех мысли очищается в восхищении красотой, в которой я не себя уже знаю в мире, а то что доподлинно есть в мире. И мыслить красоту уже нельзя, она неизмери-

ма ни в чем ином, кроме самой себя. И только перед красотой мне хватает зла на самого себя в небытии. «Разум — то что лежит на поверхности» (фр. пог.). «Мысль — ржавчина бытия» (Байрон). Самопроникновение человека осуществляется перед красотой, именно она просветляет человека от преступности мысли. Хотя и то нужно учесть, что «первыми спасутся грешники» (библ.). Это значит, что мысль есть необходимость, через испытание которой надобно пройти. Так сказать, «не согрешив, не покаешься». Другое дело, что ее совершенно недостаточно и в этом и мучительность мышления, в беспределе которого может наступать и наступает безумие (пример Ницше). Избавиться от мыслей можно и «цивилизованно» через алкоголь, наркотики и т.д. Но это выпадение из мыслей, растворение в их осадок, а надобен подъем и укрощение мыслей, их дистилляция в нечто такое, что играет медиумную роль между человеком и миром. Это, наверное, и есть философия. Красота соединяет нас с миром. В мысли же мы отъединяемся. Но разумеется, что единство приходит через «остраннение» (Шкловский). Под «миром» в первую очередь нужно иметь в виду «ближних» и «дальних», т.е. человеческий мир. Разброд, раздрай, разврат в мыслях, в которых находится человечество.

Человечество еще недостаточно для самого себя, хотя оно скреплено обручами железной необходимости в экономике, политике, праве. И оно находится под властью мыслей. Но при этом не наступило еще испытание своей необходимостью

остальному, превышающему его миру как Космосу. Но только тогда человечество будет для самого себя и необходимым, и достаточным, как субъект — субстанция, когда обретается в нем свет истины, а это уже преобразование мысли, где нет ни внутреннего, ни внешнего, ни ближних, ни дальних, а есть мировая гармония и душевно-духовный лад в человеке. И ведь нужно-то всего лишь впустить в себя свет мира, а не беситься в неоновом свете!/? «Будьте сами для себя светом» — сказал, умирая Будда. Но не происходит этого, цивилизация наступает на мир, за мыслью следует мысль о том, что человечество еще не удовлетворено в своих покушениях на природу. И даже наоборот, без покушения на что-то мысль сама по себе не может быть. И хотя прорывы этой филиации мыслей и были (Голгофа Христа), и иногда обретаются подвижниками вертикаль бытия (вместо позы Роденовского «мыслителя», упертого глазами куда-то вниз). Но человечество превращается в «сумасшедший дом». Возможно возражение о том, что как раз настоящих, светлых мыслей все больше не хватает? Что беда не в мыслях, а в их отсутствии? Да и бог наказывает человека тем, что лишает его разума? И кроме надежды на красоту человеку надобно что-то делать? А что именно он может делать в безмыслии? Так сказать, какая же практика без теории? Да, но дело касается самого человека и именно в мыслях. Делать надо нечто с собой, а что же есть человек как не существо разумное? И случайно ли Кант задался лозунгом: «ограничить разум и дать место вере»? И

кроме того, дело, а точнее предназначение человека до сих пор не состоялось, потому что он все время промахивался относительно себя как цели, попадая то в Гомо Фабер, то в Гомо Экономикус, то в Зоон Политикон, то в Гомо Луденс и т.д. То есть в делах мы пропадаем в чем-то другом, что не относится к существу самого человека. А надо переступить саму мысль о том, что человек существо разумное, и тогда он переступит через себя — ради мира, ради бога. Нужно, чтобы не разум владел человеком, а человек разумом, иначе «разум — шлюха дьявола» (М. Лютер). Сказано сильно, хотя по-русски выражение неправильное. Но то, что дьявол путает нас по существу нашему, наверное, все-таки верно.

Однако, и не просто избавление от мыслей нужно человеку, а их укрощение в сердечности, тепле отношений к миру. И может быть, даже наоборот, упряжка мыслей вынесет человечество к чему-то доброму, светлому? И подступимся мы к этому, отступаясь прежде от мудрости древних в знаниях специалистов, затем теряя знания в информации теперь? Может это вековечный, продолжающийся и усиливающий себя скрытый парадокс человечества, что оно должно найти выход только в том, что его гнетет? В преступности мысли, чтобы была безответная философия?

Она взыскует опознания миром самого человека, которое сродни признанию его. И дано оно в проблесках опознания себя в природе. «Пусто на сердце от снятого урожая» (М. Цветаева). «Мне грустно, печаль моя светла» (А. Пушкин).

Во всем искусстве это присутствует.

В постмодернистских сентенциях: «не сейте, не жните, а только рвите» (Делез), «деконструкции» (Деррида), «смерти автора» (Барт) и т.д. даны судорожные, может быть последние усилия вырваться из тисков цивилизации. С другой стороны, появившиеся в обществе явления: от трансвеститов до террористов-смертников, говорят уже о развале «мира человека».

Необходимо «благоговение перед жизнью» (А. Швейцер). А, впрочем, это схвачено уже в библейском завете: «Кто сохранил свою душу, тот ее потерял, кто отдал душу, тот ее обрел». Тут не может быть способов, проектов, программ, каким образом перейти от активистского познания мира человеком к аутентичному познанию миром человека.

Должное в мире, а не в человеке. Не в объективности нужно постигать мир, а в его гармоничности. Многообразие субъектов раскрывается перед единством мира. Сущее тем самым подчиняется должному, а не подменяет его, как это происходило периодически в истории, будь то войны, революции или даже современные реформы. Но «Венера Милосская несомненное принципов 89 года» (Тютчев).

Уже само сознание может быть трактовано как познание миром человека. Оно приходит и уходит, присутствует и отсутствует. Оно мгновенно, особенно в интуитивном проявлении (А. Бергсон).

И наконец, философия должна быть не просто умнее че-

ловека, а превосходить его душевно-духовно. Поэтому и все меньше философии как системы и все больше философствования как авторской экспликации опыта становления из небытия. Именно в последнем тайна человека, и раскрывается она не в *cogito*, а из *cogito*. То есть не в мысли человек есть, а из мысли есть. Мысль лишь мостик от небытия к бытию. И тогда философия не форма общественного сознания, не наука, не предмет, а дело жизни человека, внутренний опыт спасения из небытия. Потому что в бытии мы, люди, сходимся в единую субстанцию, в небытии же каждый предоставлен самому себе. Позитивно небытие предстает обреченностью человека на свободу (Сартр) 27 . Философия, как и искусство, есть крик о помощи тех, кто испытал одиночество (Шенберг). Хотя возможно, что это крик не чувственно-пронзительный, а скорее метафизически-молчаливый, уединенно-сдержанный. То есть даже и не крик, а душевно-духовное содрогание.

И нужно полное одиночество, чтобы сказать миру что-то должное. Разговор мешает, сбивает с того, чтобы испытать себя как одиночество (Кьеркегор, Ницше, Шакарим) — это есть пробование себя на возможность что-то поведать.

Но и это еще не все в понимании философии. Потому что здесь ее, как водится обычно, можно перевести на креативность. Ее оправдание также нужно поставить под сомнение. Креативная антроподицея — это романтизм дьявола, который в каждом из нас хочет уподобиться богу. Но, может

быть, подлинными творцами были Нерон, Чингисхан, Наполеон, Гитлер, Сталин?! Творчество многократно романтичнее, если есть преобразование самой жизни. И может вообще в креативности — все метафизическое существо человека в его мировой жадности. Все остальное эпифеномены. То есть она не вершина, не то что должно быть предметом поклонения, а та самая сила зла, которая неизбежна. Возможно даже, что гений и злодейство вещи вполне совместные?! Злой гений всегда удается. Добрый гений падает ниц перед обстоятельствами.

Несмотря на то, что Ренессанс не состоялся, человечество продолжает искушать себя в креациях. И несмотря на то, что коммунизм не состоялся, — оно будет искать рай на земле. Удача, достижение, успех будут дозвездь на земле. И «слишком человеческое» Ницше — это и есть креативность человека. Только креативное и ничего кроме креативного не признает человек, то есть он есть то, что есть в креативном, превращая других в средства, в фон величия себя. Ницше понял креативность как зло в человеке, он ее эксплицировал как никто другой в философии.

Ж. Деррида, анализируя «стиль Ницше», показывает, что в нем гений намекает на то, что вообще процесс познания имеет своим истоком... проникновение, соитие, обмерение в женском начале (природе) того, что представляет в субъекте познания «выдающееся вперед» (фаллос). Но тогда, может быть, познание и есть «идеальная проекция» проникно-

вения... Но уже во все, что есть вокруг тебя?

Так что Фрейд не оригинален, хотя он открыл простую, но странную и расхожую вещь: познание есть проникновение в иное. И тогда познание (наука, творчество) не есть сублимация, а истина (простите!) секса.

«Познай себя» должен был бы смениться девизом: «познай иное». Парадокс заключается в том, что познание иного уже осуществляется в виде покорения природы. И в том, что мы должны себя познать, мы знаем не себя, а в том, что должны знать себя, мы знаем других. И выход ли в том, чтобы поменять местами эти два принципа? Опять-таки нет.

Живешь не по знанию. У Абая, «жизнь есть истина сознания». Но зная ли жить, или жить, зная? Ни то, ни другое. Но что?! «Философия есть род духовной ностальгии, тяга из всего по дому» (Новалис). Она не относится ни к жизни, ни к знаниям человека.

Философия в своем наличествовании говорит об отсутствии человека. Она родилась в поисках познания себя, но поскольку человек все еще не родился, а скорее даже выродился или вырождается, то выход нужно искать в том, что не нуждается в человеке, но в чем человек нуждается. Это не нужда наряду с другими нуждами, а нужда острейшая, связанная с самым бытием человека. Человек на грани исчезновения. Потому что познал себя в ином, не в бытии, в небытии или инобытии — все равно.

Из своей ненужности и в приобретении необходимости

через безответную любовь к мудрости может быть и спасется человек?!

3. Несказанность в идентичности:

от точечности к звездности

Идентичность нужна, но если иметь в виду несказанность человека, то с идентичностью не все ладно в этом мире. Ни в чем человек не может найти себя. Он бросает вызов бесконечному миру и одевается в куколку ценностей, чтобы быть впереди себя в качестве защищенного от мира субъектно-субстанциального существа. Идентификации имеют место, но будучи открытым на мир существом, человек их меняет на все новые и новые. Живет надеждами.

Чувство сопротивления, которое возможно относительно каждого человека, вызывают те объективистские раскладки, в которых человек предстает анонимным существом, остается невысказанным в своей несказанности. Но само это чувство сопротивления (а оно богато интонировано в истории философии) возникает в рамках теоретических же изысканий, хотя в нём и слышится зов живого человека, и руководясь им, но не покидая познания и не ударяясь в иррационализм, мы можем (и это главное) высказать человеческое в несказанности человека. Несказанность человека определяется бесконечностью Вселенной, мерно осваиваемой или, точнее, предметно утверждаемой в развитии его культур-

но-исторического мира. Несказан человек не в эмпирическом бытии и не в общественной жизни, а на уровне все-ленского существа. В посюсторонней обыденности несказанность его сводится к дурной уникальности или немоте случайного индивида. В идеальной же тотальности несказанность есть внутренняя открытость человека, равная его свободе. В несказанности и величайшая сила человека. Необходимо учитывать, что никакие условия не вытянут человека, что человеческое безусловно. Соответствие условий и деятельности есть не правило, а исключение, оно всегда компромиссно.

Философия человека есть дело самого человека. Его нельзя приписать никому. Оно есть лишь досказывание до конца несказанности, понятийное продолжение человеческой проекции на мир, которую может осуществить лишь сам человек. Но к философии человек приходит в своей неисполненности, в «еще не...». И именно в тот самый момент, когда, казалось бы, судьба уже свершилась, жизнь состоялась, достигнуто все возможное и невозможное, тут-то и обнаруживает себя человек как существо несказанное, самым близким оказывается не то, что было сделано, а то что осталось от реализованного: и это есть он сам, это тождественно ему как субъекту, в этом и была сила, которую он не осознавал. И вся драма состоит в том, что мы обнаруживаем себя не перед делом, а после дела. И всегда негативны к тому, что состоялось. Довольства, а тем более абсолютного, судьбой не бывает. «Я

есмь» — всегда не то, что было, но всегда то, что будет. Но и говорить о своей несказанности человек может только по исполнении своего долга; по реализации общих интересов личность определяет собственные интересы. Они не сводятся, как обычно представляют, к эгоистическим устремлениям. Насущные потребности являются их основой, но в них задается лишь нижний срез жизни, над которым открывается сам человек как таковой. Не в социальных ролях, а через социальные роли в своей аутентичности.

Однако не человечество есть Я, а я есть Человечество. В первом бытие сводится к ничто, во втором поднимается к духу. В первом скрывается соперничество отдельных я, во втором открывается единство человека. Но когда мы говорим, что я есть Человечество, то в этом «есть» нужно усматривать движение, а не покоящееся состояние. Это не гарантированное бытие, а рискованная жизнедеятельность.

Человек и себя изменяет, и по душам гуляет, и к духу устремлен. Но его никогда нет теперь и здесь, он всегда по ту сторону. В посясторонности он себя теряет, в потусторонности обретает. Сокровенное «я» потому и сокровенно, что открывается по человечеству. Деяние и только одно оно определяет твое достоинство (Фихте). Лицо человека в лицах всех людей. Личность проступает из всечеловеческой субстанции. Она не одинока среди других, а особенна во всеединстве.

Я замыкается на себя через всех других на этой круглой и

освоенной Земле. В своей всечеловечности человеку некуда деться, кроме как возвыситься к духу.

Человек прежде тотален, а лишь потом индивидуален. Он рождается прежде самого себя в духе. К. Ясперс: «Человек есть дух и ситуация подлинного человека — его духовная ситуация» 28 . Но если человек есть из духа, то это не значит, что нужно начать прямо с духа и идти к человеку, но надо сначала овладеть самим духом, чтобы в нем открылся человек бытием. Здесь же нужно учитывать реальный процесс отчуждения вплоть до пропадания человека в духе. Нужно пойти вслед за отчуждением, чтобы прорвать его в конечных выражениях (в духе) и в этом же открыть бытие человека.

«Идеальная тотальность», «духовное единство», «всеобщность» и т.д. — все это нужно понимать, как сверхчеловеческое, а не собственно человеческое. Тем более, что человеческое всегда проблематично, а стало быть, и незавершенно и несовершенно. Поэтому общественное как «промежуточное» для человека и есть собственно человеческое. Так что общественное, с чем идентифицируется человеческое, нуждается не в опосредовании извне и изнутри, а само притягивает к себе все внешнее и вытягивает из себя все внутреннее. Оно становится как человеческое. То есть единство индивидуальности и тотальности, как бы там ни было, в общественном. Если не теперь, то в перспективе.

В противном случае, как ни крути, человек будет отчужден — только уже на этот раз в некоей «идеальной тотально-

сти». Последняя, тем более (если ее брать как нечто трансцендентное), растворит свободную индивидуальность. Скорее поэтому ближе к истине то, что человек уже определен внешне и теперь должен «взорваться» изнутри. Надо даже не соединять индивидуальное с тотальным — это тоже имеет место в общественных отношениях, — а опрокидывать тотальное из индивидуального. И в этом смысле свести мир к человеку. Чтобы он открылся миром новым. Надо идти не к всеобщности, а от всеобщности к единичности. Или разрешение двойственности человека (понимай: его общественности) должно происходить в сторону единичности, а не всеобщности. Хватит (исторически и логически) манипулировать человеком, предостаточно всеобщего самообмана. Достойно существования только то, что является непосредственно человеческим. Человек идет к самому себе, освобождаясь исторически от всего общего. Открыть человека нужно потому, что он веками был отчужден в идентичности, будь то родовая, цеховая, сословная, этническая, классовая и т.д. Эквики с индивидуальностью и тотальностью не кончаются потому, что надо не гармонизировать их, а смещаться и логически, и исторически к индивидуальности. Другое дело, что идти надо к индивидуальности из всей тотальности мира; вне всеобщности нет и индивидуальности. Человек специфическая единичность, которую надо не сводить к общему, а выводить из общего. Но при этом тотальность не может оставаться чем-то потусторонним для человека. Она

должна обращаться самым человеком. На нее нужно не только выходить, а прорывать во всех отношениях. Вообще она только для того и нужна, чтобы человек открылся и внутренне, и внешне, совпадая с другими во всеединстве, оставаясь свободным в своих возможностях и устремленности в иной мир. То есть человек в тотальности и есть, конечно-бесконечное, преходяще-вечное существо.

Более того, тотальность — это «общественная сущность», которой человек наконец-то овладел. И он теперь на каждом шагу как бы «дальнодействующее» существо. Имманентное не посредственно смыкается с трансцендентным, жизнь есть творчество. То есть тотальность — это не какое-то единство, зависающее над индивидом по ту сторону общественных отношений, в которых он функционирует, а сам человек в очищенной «общественной сущности» и в то же время непрерывно раскрывающийся в своих глубинных (беспредельных) возможностях, и открывающийся в запредельности мира.

Нужна «сборка» человека по ту сторону обособленных индивидов. Нужно духовное единство, надобна идеальная тотальность для-себя-бытия. Но это и не некое безличное состояние человека, а живое тождество индивидуального и всеобщего. Не такое единство, в котором бы уравнивались или пропадали индивиды. Пожалуй, даже, такое единство уже существует на Земле, оно и дано в общественных отношениях.

Более того, единство-то как раз и исходно, посюсторон-

не, а индивидуальность перспективна, потустороння. Индивидуальности — это звездности. Всеобщность же основа человеческого бытия. Нужно не от индивидуальности идти ко всеобщности, опосредуя при этом общественные отношения, обособленность индивидов, а от всеобщности (массовости) через общественное (особенное) бытие к множеству (многообразию) индивидуальностей, от слитности человечества к отдельным людям. Человек астральное (звездное) существо.

Не на человеке держится Человечество, а на человечестве Человек. Открыть человека — это не значит протащить индивидуальность через социальную опосредованность и растворить ее в некоей всеобщности. Звездное небо не тотально, а многообразно. Таким образом, все «внутреннее» в человеке — это и есть всеобщее: всечеловеческое, всеединое, универсальное, субстанциальное. Все «внешнее» индивидуально, человечно, отдельно, уникально, субъектно. Не здесь, не здесь человек, а там, в мире звезд или даже грез. И душа не здесь, а там. Здесь же дух, в котором все мы сходимся.

Собственно, человек ничем не отличается от мира, к которому принадлежит. Он устроен так же, как и Вселенная. Необходимость имманентна, свобода трансцендентна. И свободен человек в устремленности во Вселенную. И воплощен (оконечен) в качестве звезды на небосводе, на границах идеально освоенной Вселенной. Все жившие и будущие поколения над нами, а не позади нас.

Но единство, всеобщность человека, будучи его земной основой, ограничена, определена исторически. Задача опосредования общности человека остается. Но отправляться нужно от единства человека, чтобы в конечном счете, выйти на свободную индивидуальность. Открыть человека нужно не в посюсторонности — при этом он не откроется, а закроется в случайности существования, но только выводя его на уровень потустороннего. При этом конечно, будет указано не на эмпирически конкретного индивида, а на «невозможного человека» (Мамардашвили).

Должно «превзойти» других, чтобы обратиться к ним звездной душевностью. И путь к своей звезде каждый должен проделать сам. Рецептов здесь нет. Пути человека неисповедимы. Единственное условие — это признание других, через которое и можно найти себя.

Само то, что индивидуальность необходимо выразить, говорит о том, что она уже находится в определенном единстве, как младенец в утробе матери. И «социальная материя» постоянно рождает индивидуальности. И вероятно, начинается она во взаимодействии природного и общественного, т.е. в труде-творчестве, осваивающем природу.

Но можно ли будет вывести человеческую индивидуальность из всеобщего единства? И что предпослать самому единству? Может быть все-таки отправляться от «общественной сущности» человека, для того чтобы отступить затем от нее к «единству» и затем выйти на индивидуальность

(звездность)? То есть логически исходить из того, что в действительности (вторично), затем выйти на истоковое, чтобы в результате дать опосредующий синтез (индивидуальность)? Или, наоборот, начинать надо с того, что логически предстает вторичным, но в действительности дано как первичное (например, многообразие индивидов)?

Чтобы отступив, «прыгнуть» дальше эмпирической данности, углубившись в ее предтечи, подняться выше нее? Индивидуальность, вероятно, и есть звездность человека, но ведь как на нее еще выйти, как на ней завершиться? Не остается ли только указать на нее и ничего более?

И вообще, если сущность человека есть определенное единство, данное в совокупности общественных отношений, что там, в основе ее еще можно найти? Чтобы ее же опосредовать и выйти на звездную индивидуальность? Разве только природное тождество, единство рода человеческого? Как выйти на звездность человека во Вселенной, если единство его ограничено Землей? Тогда ведь действительно надо от общественной определенности отступить к ничтожности человека, чтобы затем выйти к его звездности во вселенских масштабах? И тогда именно общественный человек, облепивший Землю, несет в себе ничто. Следовательно, общественная сущность человека опосредуется одновременно его точечной ничтожностью в себе и светящей звездностью во Вселенной.

При этом все можно списать на счет общественности че-

ловека: все его определенности, все содержание жизни его — в общественных отношениях. На ничтожность его остается лишь толика несказанности, на звездность — лучик света во Вселенной. И если в движении брать все это, то общественное развитие делает его все более ничтожным. Так что, в конце концов, нужен основательный рывок для открытия человека по ту сторону общественности. И наоборот, чем ничтожнее человек в общественных отношениях, тем он звезднее по ту сторону их. Или чем тоталитарнее или индивидуалистичнее общество, тем резче деление людей на бесов и ангелов.

Земля облеплена разными системами, а не каким-то одним обществом. Нужно учитывать и эти противоречия. И, может быть, через эти общественные противоречия и прорывается человек к своей звездности? Через нейтральную (в духовном отношении) зону проявляется общечеловеческое в индивидуальности как через тектонические трещины прорывается огненная лава из внутренностей земли. Но в отличие от этого человек впервые только и начинает гореть (светить), как только выбирается над своей общественной сущностью. Или горит как индивид в сопротивлении обстоятельствам и светит как личность, выбираясь по ту сторону добра и зла. И светит-то он другим личностям, а не на какие-то общественные порядки.

Главное (парадокс) в том, что ничтожность делается звездой. Правда, опосредуется это общественными отношениями.

ми, т.е. их преобразованием как опосредованием «опосредованного». Точнее, опосредование социального возможно (и логически, и практически) как движение одновременно идущее и от ничтожности, и звездности, вплоть до его (социального) полного упразднения и установления человеческих (гармонических) отношений вместо «общественных». И тогда сам человек из внутренней ничтожности (ирреальности) и недостижимой звездности (гиперреальности) превращается в реальное существо. В нем должны совпасть индивидуальное и тотальное, уникальное и универсальное, субъектное и субстанциальное. Опосредование социального и необходимо-то затем, чтобы утвердить вместо него самого человека. Он уже раздвоен настолько, что свелся, с одной стороны, к ничтожности, с другой, воспарил к звездности. И тем труднее задача опосредования, что в исходном приходится опираться лишь на омассовленную (аддитивную) ничтожность и рассыпанную (монадологическую) звездность человека.

Между индивидами нет различий — не только в том смысле, что они повторяют друг друга. Но и в том, что они не имеют никаких дистанций и слеплены в массовое тело. Как индивид человек вообще не существует, как личность же он эфемерен. Как масса он одно и то же, т.е. скучен; как индивидуальность разрознен, т.е. абсурден. Поэтому совпадение универсального и уникального и возможно только в опосредовании социального. Это, собственно, и должно стать открытием человека. Надо соединить «массового» человека (в

индивидуальности) с духовным человеком.

Для открытия человека нужно предварительно воспроизвести отчуждение его как внутреннюю деградацию. Фейербах был не прав, утверждая, что человек отчуждает свою сущность в виде бога. Наоборот, суть отчуждения в том, что он опускается от бога до животного, от самости до средства, от звездности до ничтожности. И тогда открытие человека нужно понимать в том смысле, что это есть показ реального положения человека, которое негативно говорит о том, какие возможности за ним остались. То есть нужно идти от открытого человека вплоть до того, в чем он же совершенно замкнут (закончен). Надо показать, как закрывается открытый человек, для того чтобы узнать вообще насколько он открыт в мире. Открыть человека можно лишь в том, в чем он закрыт.

Нужно обратное движение от того чуждого состояния, в котором находится общественный человек. Его нужно редуцировать как к возможной точке из всего мира, но не для того чтобы с ним покончить раз и навсегда, а для того чтобы он вновь открывал себя в мире. Или человека надо закрывать (редуцировать) из мира к точечности, для того чтобы он открывался сам. Роль науки относительно человека как предмета познания чисто негативная. Она просто говорит о том, что человек есть теперь, для того чтобы он опроверг это в дальнейшем становлении. С нее достаточно того, чтобы довести человека до некоего абстрактного начала, но соответ-

ствующего современным реалиям, Т.е. произвести соответствующую идентификацию, согласно которой идентифицирует себя человек теперь и здесь.

Но доводить человека надо до такой точки, из которой он не повторил бы обратно мир, теоретически сведенный к нему, а практически изменил бы его, открываясь миром новым. Собственно, чтобы он отказался от того мира, в котором он есть и из которого его постигает наука, чтобы стать миром иным. «Камо грядеши» человек? — наука не знает. Ему нужно прорезаться в новых измерениях. При этом, конечно радикально изменяя свои отношения с природой, обществом, духом. Но все это дело самого человека. Наука здесь может говорить только гипотезами. Поэтому вообще открытый человек — это гипотетическое существо, с которым все возможно.

Более четко: мир наличный нужно свести к человеку чтобы он открылся миром новым. Не в мире человек, а в человеке должен быть открыт мир. В этом смысле роль науки чисто посредническая. Точечный индивид должен будет обернуться свободной индивидуальностью, несказанный человек всезначимой реальностью. Несказан-то человек именно потому, что он только снимает в себе мир наличный, но не выходит еще в мир иной; он только принадлежит данному миру, но не обладает иным миром; он порожден миром, но не превышает его. В этом же его двойственность, «странная противоречивость» (Гердер) 29 , не укладывающаяся ни

в какую идентичность.

4. Я и яма свободы

Подняться непосредственно от «я» к сверхчеловеческому нельзя. Нужен предварительный выход на Другого, с тем чтобы в пересечении отношений Я – Другой возвыситься в качестве человека к сверхчеловеческой идеальности. В этом плане триединство «деятельность-общение-творчество» и есть некая схема человеческого бытия, схема движения человека «вперед и вверх» 30 .

Но ведь это и странно? Получается, что человек — это существо меж-индивидуальное (общественное), т.е. ни к кому не относящееся, хотя и проектное по отношению к каждому, и рвущееся вверх, трансцендирующее к идеальности из общественных отношений. Следовательно, человек не тело, человек в воздухе отношений как эфирное существо. В этом плане и нужно подразумевать человека как душевно–духовное существо. То есть между душой и телом никакой связи нет. Человек как третье существо открывается не как тело, а как душа, которая свободна от соматического эго. Все тела падают вниз, все души устремляются вверх. Хотя, конечно, телесные связи задают вертикаль возвышения души. То есть отношения тел — это упор, основа для человека как третьего, душевно– духовного существа.

Человеческое независимо от индивидов, индивиды же в их отношениях зависимы от человеческого; то есть индиви-

ды втягиваются в отношения друг с другом вследствие человеческого становления. Не индивиды (даже) вступают в отношения друг с другом, а человек как третье существо сводит их воедино. Только в результате становления человека устанавливается и поддерживается справедливость как гармония свободы и равенства индивидов.

Не к Другому нужно «вырываться» из эго, а в перспективе Другого упасть, углубиться, найти опору для человеческого бытия в отношениях. Необходимо движение «вперед и вниз», для того чтобы вертикально устремиться вверх. Преодолевая, жертвуя дочеловеческим «я» или выдерживая в качестве исходной позиции равенство: Я — Другой. Без этого не обойтись. «Вождеделение» и «признание» у Гегеля. Затем «всеобщность» — но коренящаяся в свободной индивидуальности, которая-то и относительна к миру. Вождеделение как самоотвержение, т.е. обретение себя в индивидуальности с одновременным поворотом на самостояние в идеальной тотальности.

Да, но не односторонне ли все это? Ведь отправным берется, как бы там не было, некое эго? И тогда на человека не выйти? А что если само эго и есть подпольное, подпочвенное существо? Это не то, что во мне (=экземпляре рода человеческого, индивиде), а что как раз и «лежит впереди и ниже», т.е. жизненный корень в среде общественного человека.

Так что эго (дочеловеческое «я») преодолевается не по направлению к Другому, т.е. вообще не в горизонте отно-

шений, но только в вертикали становления человека (общественном существе). Дочеловеческое Я заведомо не во мне находится. К нему еще нужно опуститься. Преодолевать нужно не себя как Я, преодолевать нужно функциональность социального индивида, который—то вовсе и не эгоистичен. Нужно еще «впасть» в эгоизм, чтобы подняться вверх ко всеобщности человека. Значит, состояние эго — это есть состояние междусубъектности, а не голое пребывание человека перед миром и другими. Потому оно и скрытое состояние. Значит, человеческое коренится в междусубъектности, т.е. оно раскрывается как скрытое в междусубъектности. Или: человеческое есть открытая междусубъектность, дочеловеческое — скрытая (свернутая) междусубъектность (исторически и социально).

Потому и нескромно напирать на Я, что оно должно именно прятаться, сдерживаться в отношениях к Другому. То есть (парадокс), оно прячется в равенстве индивида и индивида. Я есмь я, = человек укоренен в междусубъектности. При том же Я — это не самостояние человека, а его несамостояние в себе. Абсолютное Я — абсолютное не-самостояние, т.е. падение из человеческих отношений. Конечно, это поиск человеком себя, но уже в качестве общественного существа. То есть уже будучи общественным (тотальным) существом, он устремляется в то, что скрыто в себе же, как предметное существо он должен углубиться в допредметность Я, чтобы культура заговорила внове (Мамардашвили). Так что

не предметность есть основа Я, а Я есть основа предметности в человеческих отношениях. Без Я культура бессмысленна. Культура раскрывается только изнутри себя, откуда проступает и преодолевается дочеловеческое Я.

Диалогика отношений — это уже преодоление Я, перекрытие или раскрытие жизненных корней. Диалога «Я-Другой» не существует. Я вообще не вступает в отношения, а пульсирует в них как жизненная сила, мечется как «спора» в лоне отношений индивидов. Или даже заставляет индивидов относиться друг к другу. Я, так сказать, всегда спорно.

Я не участвует в диалоге как сторона, оно пересекает горизонт диалога, в котором раскачивается из стороны в сторону общественный человек, для того чтобы подняться к сверхчеловеческому.

Я-то как раз и заброшено в мир. И из него вырастает человек. Оно и преодолевается, снимается в сверхчеловеческом как дочеловеческое состояние. Как оно забрасывается в мир, никто не ведает, Я — состояние обнаруживается постфактум. И не во внешних условиях тут дело. Не в среде, которая якобы определяет Я. Правда только в том, что Я, конечно, определяется в условиях как уникальность человека. То есть в целом человек как третье существо уже коренится в межиндивидном, дочеловеческом Я.

Но тогда, вот теперь и здесь присутствующий индивид (имярек) — это уже человек, в котором преодолено межиндивидное, дочеловеческое Я? Нет, Я и есть самостность, пер-

вое лицо. И от него же нужно отступить, чтобы взять в качестве релятивно-относительного существа. «Я — Другой» — это отношение иллюзорное, кажимое как позиция обыденного сознания. Такого отношения в действительности не существует. Не от Я нужно идти к Другому («дурная бесконечность альтруизма» — Библер) 31, или от Другого идти к Я (бесконечное самокопание человека), а непосредственно взять себя как Я в оборот человеческих отношений как уже установленных в праве, нравственности и т.д. взять себя как падшее Я, смирить гордыню своецентризма, придерживаться характер своеволия и т.д.

Значит первый акт — это не «вожделение» (=психологизм у Гегеля), а смирение уже данного Я. Стихийность Я надо подчинить прозе жизни. За счет чего? За счет обыкновенного, рядового, экземплярного (какого угодно) индивида. Он тоже всегда уже есть наряду с бунтующим, своевольным Я. Или: в падении к дочеловеческому Я одновременно обнаруживается состояние трезвого, здравомыслящего социального индивида, связанного со всеми другими индивидами (Маркс). То есть «ломка» в обстоятельствах одновременно обнаруживается и в обезличенном индивиде и в несказанном Я.

Значит, отступление от Я есть чисто логическое движение? Потому что оно происходит лишь в сторону индивида, данного одновременно с Я. Значит, о сокровенном Я знает заурядный индивид. О Я рефлексивирует общественный (в ме-

ру тотализованный) человек. Я касается и волнует, заставляет вибрировать челночный, путешествующий в душах дух человека, и/или он даже заставляет пробудиться Я к самостоянию человека в пересечении общественных отношений.

Но тогда здесь возможно не только логическое отступление от Я к индивиду (в теории), но и со-бытийное раздвижение (общественных) отношений на прошлое и будущее, исходя из самого Я. То есть Я способно на распредмечивание человеческих (а тем более, заведенных, рутинных) отношений в перспективе сверхчеловеческих высот, идеальной тотальности человека.

Таким образом, к Я редуцируется пространство отношений и в Я смыкаются времена. В Я свернуто пространство отношений и в Я зияет разрыв настоящего (эмпирической реальности) на прошлое и будущее. Так что, действительно, вместе с человеком в мир приходит ничто (Сартр) 32 .

В итоге получается, что Я (дочеловеческое) — скрытая междусубъектность, человеческое — раскрытая междусубъектность, сверхчеловеческое — перекрытая междусубъектность. Я — не сторона, а некая спора отношений между индивидами. Оно и врывается в диалог, делая его живым, актуальным. В вертикали от Я через человеческое до сверхчеловеческого и происходит диалог, размыкающийся вверх и смыкающийся вниз. То есть человеческое смыкается в дочеловеческом (стихийном несамостоянии Я) и размыкается в сверхчеловеческом (космическом порядке).

Однако (ср. выше) и не сознательное впадение в эгоизм нужно, а необходимое заставание себя в эгоизме, и возвышение из этого состояния к личности в социальном положении. Я-то и распределяется из отношений в собственности. Или: собственность и есть распределенное в индивидах Я; скрытая междусубъектность легитимируется в собственности.

Но отсюда в принципе не весь человек есть третье существо, а Я в человеке есть нечто третье. Сокровенное Я и есть третье в человеке. И оно и открывается в общественном существе человека. Но еще не преодолевается. Преодолевается оно в идеальной тотальности, из которой дочеловеческое Я определяется свободной индивидуальностью. Зажатое в отношениях индивидов Я утверждается как свободная индивидуальность. Свободная индивидуальность рождается из идеальной тотальности, т.е. эманерирует из сверхчеловеческого в дочеловеческом.

Человеческое в начале (и в онтогенезе, и в филогенезе) дочеловечно, т.е. эгоистично, и обретается как освобождение от эгоцентризма.

Индивид невольно скатывается из равенства к свободе, чтобы подняться к справедливости. Возврат назад возможен и нужен. Необходимо из прорыва в отношениях, утверждающего справедливость в ориентации на Другого, вернуться в «яму свободы» и сгармонизировать вектор прорыва «вперед и вверх» вектором отката «назад и вверх». Миф о Сизифе и «Котлован» А. Платонова взаимодополнительны. Или миф о

Сизифе надо «перевернуть» символом «котлована» А. Платонова. И только тогда достигается (постигается) сверхчеловеческое. И тогда и яма свободы перестает быть ямой, засыпаясь почвой культуры и давая жизненные соки для становления человека. Третье как нейтральное в отношениях оказывается конкретной, становящейся всеобщностью человека.

Так что, за Я — крутой спуск (конец) истории, впереди него крутой подъем в культуре. Над пропастью этой общественные отношения, там летает дух человека, сообщаются ограниченные, экземплярные индивиды.

Таким образом, если даже существует отношение Я-Другой, то не как непосредственное и прямое, а как само устремление (уже промежуточного и падшего, нейтрального) Я к возвышающемуся над ним Другому и прорыв в нем к новым ценностям; то есть отношения Я-Другой нет, для того чтобы вставать для этого на еще какую-то третью позицию, а есть устремленность, относительность самого Я к Другому, равное подъему в культуре. Но сила Я в способности (упорстве) превозможения превосходящего Другого в деятельности, общении, творчестве.

Но нужно уточнение. Не просто «спуск из истории», а выпадение вообще из времени и в «поисках утраченного времени» преодоление (а не обретение) Я. То есть Я обретается именно как нечто нейтральное в себе человека. И за счет пространства определенных социальных отношений человек

преодолевают Я (в зависти) и обретают себя в человеческом из сверхчеловеческого.

Я — это и есть состояние застывшего человека, вневременного существа. То есть Я — это несамостояние человека, дно души, подсознательное и даже бессознательное (а не как у Фрейда).

Я — это и зло в мире. «Мир лежит во зле». А зло коренится в Я. Зло основательнее, глубже; добро поверхностно, преходяще, летуче. И зло всегда побеждает добро, хотя оно же и «порождает» добро, или одно добро сменяет на другое. Добро не меняют на добро, но зло заставляет менять добро на добро.

Я вневременно не в смысле внеисторично, а как конец времени. Потому в нем и должна быть взята ответственность за прошлое, сделан выбор судьбы. Я не есть человек и даже не «полчеловека» (в смысле (Я + Другой)). Я — это дочеловеческое состояние.

Но тогда за Я — в максиме (непсихологически) вся история человечества. И наоборот, Я может быть понято только в срезе всей истории. В этом и мощь Я, слабость же его — перспектива Другого. И Я как «верблюд» должен пролезть в «игольное ушко» Другого. Не пролезть, конечно. Что-то придется оставить. Проходит нечто совершенно тончайшее, в результате чего Я оборачивается духом человека. Эгоцентричность гаснет, но не уничтожается, а преобразуется в самостояние и открытость на мир человека.

Я все время смещается: от внутреннего эго к Другому; возвращается назад и оказывается промежуточным (см. выше); падает в «яму свободы» и воспаряет вверх, к духовности и т.д. Одним словом, блуждает от человека, протягивая запутанную нить судьбы на самом ее кончике.

Значит у Я есть свои пути–лабиринты. Я рвется от самого себя вовне и нужно в том последовать за ним. Исчерпаемо ли Я в этом следовании за ним? Можно ли определить все пункты его пребывания в мире? Я непосредственное (в самоощущении) и Я опосредованное; Я вожделеющее, Я признающее, Я всеобщее (Гегель) — как они соотносятся? Но прямого пути у Я видимо нет. Есть устремления и возвращения, взлеты и падения.

Но как бы там не было, нужно постоянно выдерживать точку зрения Я. Даже когда говорится о не-Я, иметь в виду Я. Во всяких рывках не оборвать связи с Я, который, казалось бы, остался за этими рывками. Познание человека =, равно воспоминание (методическое) о Я. Воспоминание, в котором деятельность человека по овладению миром распределяется. Но воспоминание, конечно, происходит за счет деятельности, за счет активности открывается покой Я, за счет всей реальности — рефлексия над ничто Я.

Но ни разом эта рефлексия возможна. Пути человека извилисты, хотя обрываться они могут в любом пункте и обратное отношение к Я предстает прямым, горизонтным, непосредственным и неожиданным. Собственно, это и есть ин-

сайт, озарение. Когда какое-либо открытие в явлениях мира отзывается дополнительным к просветлению Я. Непременно в открытии должна обнаруживаться сама точка зрения человека на мир, т.е. то, за счет чего произошло обнаружение явления. Так что не только за счет реальности — прикосновение к Я (самообращение), но и за счет Я — выход в мир. Что из них ведет? Видимо здесь есть нечто третье? «Трансперсональное сознание»?

Где бы человек ни пребывал (реально или мысленно), далеко ли от себя или близко, высоко или низко, — отношение к Я непосредственно. И это не в тривиальном смысле, что Я непосредственно, а в том, что все свертывается (весь мир) до непосредственного отношения к Я. Или проще: все сжимается до ничто, все «суета сует».

Да, но в то же время вновь и вновь Я проецируется в новых зигзагах активности человека? Значит, стягивая к себе все и вся, Я пускается в новые авантюры, пробует новые возможности, прорезывает мир в иных измерениях, как червь точит новые ходы в универсуме. Собственно, Я стягивает-то мир к себе, чтобы пойти еще дальше, выйти на неслыханное, тронуть невиданное.

Или упираясь в каком-то отношении в покой Вселенной, человек тотчас же обнаруживает ничто в себе (= Я). Но поскольку покой Вселенной от человека отставлен (объективен) и он определяется в бесконечных тупиках-отношениях «преобразовательной» деятельности, то человек обречен на

то, чтобы обнаруживать в себе ничто. И наоборот, вселенский покой обнаруживается из ничтожности Я.

Ничего человек в познании не «сообщает природе субъективного» (Кант). Покой природы познается из ничто человека. Между ними извилины активности человека. Я — корень; природа — крона мирового дерева жизни. Движение человека местно, покой — ничто универсален. Местное движение (человека) происходит в скобках вселенского покоя и ничтожности Я.

Вообще всякое самообращение — прикосновение к ничто. А потому (в религии) и соответствующий выход на нечто трансцендентное (бог). Ни имманентного, ни трансцендентного не существует, но обойтись без них человек не может. Человек-ничтожество спасается в богочеловечестве. Никак иначе.

Но ничто дается не в обращении внешнего Другого к моему внутреннему Я или в моем обращении к внутреннему Я Другого, а в рефлексии Я над собой, в петле самообращения. В разной степени, конечно: в самосознании иначе, чем в самочувствии, в саморазмышлении иначе, чем в самоощущении.

Но ничто дается не от бога, а за счет внешней реальности. И наоборот, реальность (внешняя) дается за счет внутреннего ничто.

А что Другой? Какое-либо имеет он отношение ко всему этому? Он видимо, и есть посредник. В качестве Другого (от

реальности) происходит обращение к себе. И через Другого осуществляется выход от имманентного (ничто) на трансцендентное (все).

Но тогда (точнее) не ничто — за счет реальности или реальность — за счет ничто, нет, а и то и другое за счет Другого, который — то и есть подлинный субъект, а не Я.

Так что Я необорачиваемо (ср. выше). Не в качестве Я человек бывает Другим, а в качестве Другого бывает Я. И в качестве же Другого покидает Я, т.е. вообще может быть и не быть. Другой и есть третье существо, не как эмпирический Другой, в которого упирается эмпирическое Я, а как отступающий и поступающий между миром и Я челночный субъект. Я, конечно, упирается в эмпирического Другого — это все сфера его существования (=небытия человека). Но в качестве трансцендентного Другого само (Я) преодолевается.

То есть в целом отношение Я — Мир не является непосредственным. Всякое опосредование в этом отношении (опредмечивание-распредмечивание) происходит за счет Другого.

Но может как раз в качестве эмпирического Другого человек обращается к (себе как) ничто, эго, а в качестве трансцендентального Другого обращается к (себе как) миру? В обоих случаях имеет место превышение: в первом это превышение эго и определение ничто в нем, во втором — превышение «мира» и открытие человеческого в нем.

Я необорачиваемо, но покидаемо, Мостика от ничто на

все нет, есть провал, над которым летает дух человека (Другой вообще, гений человека, бог его). И чем теснее (как бы минуя Другого) к миру, тем глубже пропасть между ними. Сознание же при этом тем выше. В нем выдерживается отношение Я — Мир.

Но прежде всего связь человека с человеком, потом все остальное; связь исконная, заведомая, первичная. Все остальное обнаруживается в разрывах связей: и глубины бытия и высоты духа. Вся реальность обнаруживается из связи (или ее разрыва)?

Нет, видимо, именно разрыв связей человека с человеком обнаруживает всю реальность. Отсюда: падая вниз человек приходит к «свободе», возвышаясь вверх — к трансцендентности. Так что, в самих по себе связях человеческих мир непостижим. Потому и тягостен путь познания, что в нем приходится рвать связи с Другим и отступать к себе и «поступать» по ту сторону других. Мир не может быть дан человеку без разрыва человеческих связей, включая сюда и преодоление различного рода идолов, и вступление в союз с дьяволом, и подчинение трансцендентному (религиозное трепетание) и т.д. Общественный человек «вне познания» пребывает.

Субстанция общественной жизни в познании опрокидывается. Следовательно, и выход на реальность в познании требует невероятных, нечеловеческих усилий со стороны познающего субъекта. Всякое познание, всякая рефлексия —

сверхчеловеческий акт. Потому что приходится преодолевать человеку упреждающую его активность вездесущую, практически безмерную общественную субстанцию. Познание не антисоциально, но именно внесоциально. В нем происходит не удлинение, не продолжение общественных отношений, а пересечение в бытийном углублении и духовном возвышении человека.

Поэтому и объяснимы феномены асоциальности многих мыслителей: от механицизма их до религиозности. Было так, что мысль делала или отступ от социальности, или поступ по ту сторону ее. И вообще мысль возможна только как сдвиг из наличных отношений с другими. Проблема только в том, чтобы мысль выдерживала одновременно и имманентное, и трансцендентное, беря тем самым в свои клещи общественные связи.

Всякая мысль преступна. Благостных мыслей не бывает, благостны бывают только чувства. (Феномен Достоевского отсюда и объясняется как преимущественно мыслящего художника.) Так что даже не «опосредование» общественного требуется, а именно его деструкция. Не деконструкция текста, как это предлагается в постмодернизме (Деррида), а деконструкция всего общественного организованного целого. Это подготавливается в мысли, затем происходит в реальности (диссидентство — перестройка — социальная катастрофа). Социальная среда определяет мысль, но только негативно.

Как в разломе земной коры обнаруживаются геологические слои, так и в разрывах общественных связей выявляется вся структура общественной реальности.

5. Преодоление со-знания для открытия человека

Если человек свободен в бытии, то в духе он тотален — замкнут на всех других. И всякая трансценденция, даже преступление, есть замыкание на субстанцию всечеловеческого мира. Парадокс: человек закрыт в большом, открыт в малом. Открыть его можно не в духе, а только в бытии. А точнее: в духе, но из бытия. И, видимо, замыкаясь в духе, он и разрождается результатами деятельности и всякое открытие человека из бытия в конечном счёте нейтрализуется в духе. Сила бытия в его неопределённости, достоинство духа в его субстанциальности. Бог его знает, может поэтому он и «рыщет, где хочет!?!»

Но значит, открытию человека предшествует дух?! В том смысле, что он и утилизирует (распредмечивает) всякий результат деятельности. В самом преобразовании природы и социальных перетрясках дух замыкает человека на себя. Дух хочет, чтобы человек в конечном счёте стал им — самосу-щим, самодовольным, самоограниченным. Но, значит, человек обречён в духе на то, чтобы никогда не знать себя как свободную индивидуальность? Всякая субъектная открытость человека упреждена в субстанциальности(закрытости) духа? И открытие человека как такового никогда не

состоится?

Да, но если дух властвует над бытием, то проблема не непосредственно в открытии человека, а в освобождении бытия его. Никакое прямое возвышение к духу от бытия невозможно, потому что оно-то и убивает человека. То есть проблема не в том, что бытие определяет сознание (это должное), а в том, что сознание определяет бытие (это фактическое или сущее). Из духа человек убивает себя. Да, он то и дело приобретения в свободе жертвует молоху духа. Человек — духовный самоубийца. Поэтому внутренний человек постоянно и оказывается внешним (формальным, заёмным, безличным) человеком. Дух уравнивает всех индивидов, сводит их в одно и то же — бесконечное, безвозрастное, родовое существо. Правда, дух, отчуждая бытие, не опускается обратно до него, а откладывается во внешних общественных порядках, т.е. представляет себя сущностью человека. Хотя это и «немая всеобщность», дух «бездушных порядков».

В духе человек, конечно, обретает мир, но мир всегда ограниченный, грозящий исчезновением самого человека. И дух нужно сделать орудием человека. Надобно утвердить самодельность бытия и использовать дух как средство для этого, то есть интеллект. Бытие нуждается в духе, но не в одном и том же, а во всё новом и новом. Требуется прогрессия в духе, а не господство одного и того же застывшего духа. И наоборот, господствовать дух может лишь в качестве одно-

го и того же, и в нём же свернуто бытие, а, следовательно, и отсутствует человек. Более того, само бытие никак иначе и невозможно, как только в духовной прогрессии.

Дух не понять из него самого, но только в переходе от одного духа к другому духу. А обусловлено и возможно это мерными открытиями человека в бытии — и углублениями, и расширениями, и возвышениями. Понятие духа всякий раз есть понятие бытия, а не его самого по себе. Быть в духе — значит быть из бытия вообще. Если только человек есть, то возможности его бытия — это вся Вселенная. Правда, дух хитрит и даже издевается над человеком, опрокидывая его обратно из вселенности к ничтожности, в качестве перспективы гасит истоки человека. Но возможно, что и не дух издевается над человеком, а человек хочет легкого существования — без труда и только за счет внешней перспективы (=готовых программ) дать себе жить. Когда он спекулирует на духе, извлекая эффект из отношений к другим.

Но может быть и так, что дух нейтрализует усилия человека в овеществлении результатов деятельности. Прорыв же в духе (решение сверхчеловеческих задач) опредмечивается в ценностях. Если дух господствует, то это и есть состояние отчуждения человека, со всеми отсюда вытекающими социальными последствиями. Если же он прорывается, то открываются и новые измерения внутреннего (а не где-то там еще пребывающего) человека. Человек теряет свое бытие, если не овладевает духом, а следовательно, и миру ни-

чего не предлагает реального.

Точнее даже, он не теряет бытие, а всё ещё пребывает в состоянии ничтожности, не родился как личность. Впрочем, и первое возможно, как отбрасывание человека к истокам ничто в силу неизменных порядков в обществе, выражением которых и является господствующий дух. Но в любом случае человек есть только в прорывах духа.

Человек есть всё из бытия. Если он только есть, то он есть всё. Но застоявшийся дух загораживает собой универсум, рассекает мир человека на имманентное и трансцендентное. А «изнутри» реальности к «запредельному» не выбраться. Но при этом не реальность промежуточна, а сознание есть «промежуточная реальность». Так что в нём (сознании) субъективное бытие корреспондируется с объективным бытием. «... Чем полнее во всём объёме и во всех своих частях обретается мир в распоряжении человека, как мир, завоёванный человеком, тем более объективным выходит на свет объект, тем более субъективным оказывается субъект» 33 .

Следовательно, опосредовать нужно не реальность, а сознание. Оно-то и есть опосредованность человека, которую нужно опосредовать. Когда говорится о необходимости «опосредования опосредованного», т.е. общественных отношений, то в сущности они сведены к идеологическим отношениям. Но это в прошлом, а ныне это так называемые «социальные сети» в СМИ. Отсюда открытие человека есть не

душевно-духовное (или имманентно-трансцендентное) опосредование реальности, а преодоление сознания из бытия в мире. Душевно-духовное опосредование на самом деле не открывает человека (это вековая философская иллюзия), а замыкает его на себя в виде пустой субстанции. А теперь, добавим: «мировой паутины», интернета.

Дело не обстоит так, что вот душа внутри реальности (=имманентность), а вот запредельный дух (=трансцендентность), и душе надобно соединиться с духом, опосредуя эту «медиальную» реальность. Во-первых, это невыполнимая, точнее ложная задача. Во-вторых, убивается (теоретически, да и практически) жизнь. В результате, в-третьих, человек не открывается, а закрывается. Само по себе такое опосредование осуществлялось идеологически, а ныне виртуально-информационно. Но за счёт того, что элиминируется человеческое в действительности. Или же он утверждается формально как внешний человек — полная посредственность.

В действительности посредственным человека делает самому себе равное ложное сознание, тем более, если в нем нет сдвигов к миру в силу бытия. Бытие неосредственно (изначально), мир реален (прекрасен). И поэтому даже не бытие-в-сознании нужно утверждать, а бытие-в-сознании-мира. Нужно налаживать не лодку Харона, чтобы плыть в потусторонний мир, а строить мост от наличного бытия к бесконечному миру или «дорожную карту», выражаясь теперешним политслоганом. А для этого не следует разводить созна-

ние на имманентную душу и трансцендентный дух, а сводить его воедино, делать его орудием — интеллектом становления человека.

Нужно не закреплять душевно-духовную разбросанность человека, а отдавать душу в бытии и тем самым прорываться в духе к миру, чтобы он не рыскал по свету, а попадался в силки надежд человека.

И это, видимо, самая великая трудность для человека — преодолевать тончайший, прозрачный слой сознания. Однако это должно делаться (да и делается пока патофизиологически, т.е. сублимированно в болезнях цивилизации), какого бы труда ни стоило, иначе человека не было и не будет в мире. Открывать человека надо не в сознании, а из бытия через сознание в мире. Мир кажется промежуточной реальностью: от рождения до смерти, от души до духа и т.д. Но это сознание делает его таковым между-мирьем, где само оно кажется и в истоке, и в перспективе. «И что же составляет суть этого конфликта, трещины между миром и моим разумом, если не моё сознание о нем?» 34 Добавим: сознание изолированного индивида. Замкнутое на себя существо (эгоцентрист) нуждается, а соответственно и «порождает» потустороннее; внутреннюю пустоту он хочет дополнить вселенской пустотой, где мир — пустяк, чистейшая медиальность и перепрыгнуть его — раз плюнуть.

Теоретическое убийство человека до сих пор и происходило, поскольку стравливалось бытие в сознании, а это в

свою очередь проистекало из того, что не было выхода в мир. А выхода в мир не было, потому, что была перманентная война. Не было человека, была борьба — будь-то класса против класса или всех против всех. Впрочем, покуда эта война не кончается, человека всё ещё нет. Если нет мира, то есть сознание бесконечного не-равенства, а в нём человек-блуждающее или даже заживо похороненное существо, «живой труп».

Сознание под видом души и духа подменяло бытие и мир. Теперь человек должен быть открыт в мире из перспектив духа. Их смыкание и даст мост бытия в мире. Этот мост и есть установление прозрачных форм общения, в нём же должно произойти совпадение свободной индивидуальности и идеальной тотальности человека. Преодоление сознания для открытия человека означает не отбрасывание сознания (что характерно для «психоанализа» и других антименталистских течений), а его внутреннюю гармонизацию: из больного оно становится здоровым, из несчастного романтическим, из расколотого — единым, из абстрактного — конкретным. Цели мира и средства их достижения в нём тогда совпадают. Со-знание и есть то самое «третье», которое предметно связывает нас с миром, но которое может в овеществлении и загоразживать мир.

Однако, проблема опять-таки в других? Мир достигается в связи с другими, а не в «гордом одиночестве». Только в установке сознания на Другого даётся мир. Причём не усе-

чѐнный до межличностных отношений, а бесконечный мир. Мир запределен не относительно человеческих возможностей, а относительно сознания. Он запределен человеку, если человек подавлен сознанием. В мире и преодолевается сознание. Не человек преодолевается, а сознание — опосредуемое бытием-в-мире. Сверхчеловеческое это и есть открытое в мире человеческое. Человек живѐт миром, сознание лишь выводит на него!

Но если сознание промежуточно, то, может быть, субъектом его и является Другой? Или субстанция сознания описывается самодостаточным кругом Других (человечество)? Без меня круг Других обходится, хотя я и не желаю этого. Но нежелания мало, для того чтобы быть, нужно возвращать Другим эманацию души с плюсом реальной прибыли в мире. В самоотдаче души и обретается бытие (имярек) и в то же время преодолевается духовная отчужденность мира и открывается человек как бытие-в-сознании-мира.

Если к Другому надо относиться как к цели, но никак к средству (Кант), то разве это не говорит о том, что субъект сознания — Другой? Во всяком случае сознание смещено субъектно в сторону Другого, хотя может быть и обратное — в сторону Я, и тогда человеческое в человеке пропадает. Или даже не о смещѐнности сознания в сторону Другого надо говорить, а о центральности Другого внутри сознания? Другой-то видимо и подпирает мост сознания? Или это та фигура умолчания (о которой-то и не говорят, вопреки М.

Бахтину: «... о другом все песни спеты»), через прохождение которой происходит радикальная душевно-духовная трансформация человека с выходом в мир.

Или же представлено в триаде: дочеловеческое-бытие, человеческое-сознание, сверхчеловеческое-мир? Но это лишь в том случае, когда есть душевно-духовная гармония в человеке. Раскол же сознания даёт противостояние посюстороннего и потустороннего, водоразделом которых становится бесчеловечная реальность. В этом же расколе бытие подменяется имманентной душой, а мир замещается трансцендентным духом. И, наоборот, лишь в той мере в какой перед человеком отчужденная (неопосредованная) реальность, в ней он расколот на «душевность» и «духовность». И чем непреодолимее реальность, тем больше сил прикладывается для ее, во что бы то ни стало, «опосредования» из души в духе. Отсюда и тема смерти — конечной и прижизненной: продать душу дьяволу реальности (зла), чтобы ступить по ту сторону ее, произвести расчеты с «реальностью», чтобы она пропустила в мир иной. На деле же здесь имеет место цепляние за себя, а не самоотказ. А точнее, это «формальная отдача» ради «содержательного приобретения» себя?!

Иллюзия... От души к духу (тем более через реальность) не пробраться. Они лишь свет бытия и цвет жизни в мире, а не что-то истоковое или запредельное. Не душой, а в душе есть человек, и не духом, а в духе жив человек в мире.

Однако, если сознание в самой реальности (круге Дру-

гих), то и последняя логически расширяется до бытия-в-сознании-мира. Реальность тогда содержательно оказывается противоречивой действительностью человека («умом вещей»). А, следовательно, бытие-в-мире и есть разрешение этого противоречия: вместо дочеловеческого «я» становится бытие, вместо сверхчеловеческого Духа открывается мир. Да, но и сознание при этом не может удержать их связь? Оно и не удерживает. Оно преодолевается. Это дано в общении как «душе культуры» человека (Г.С. Батищев). Так что релятивный человек становится субстанциональным человечеством. Дрожащий луч сознания, превращается в устойчивый свет межчеловеческих отношений. Но вместе с утверждением человека в виде человечества (во всей его самодостаточности, субстанциальности) обнаруживаются дочеловеческие истоки и сверхчеловеческие перспективы. В человечестве они не свертываются, а, наоборот, открываются и раскрываются. Это и есть суть так называемых «глобальных проблем» современности, то есть, проблем выживания «общественного организма», устремленного от ничто во все. Бездушность — не раковая болезнь отдельного человека, а общий порок человечества как субстанции. А наступление бездуховности из-за мировой «жадности» человечества в отношении к природе. Но именно требуемое самоопределение человечества обостряет проблему отдельного Я и обще-(сверх)-человеческого Мы. Оно невозможно без того, чтобы преодолевалось Я и достигалось Мы. Проблема Я — это проблема входа в

человечество. Однако процесс вхождения может оказаться лишь нейтрализацией Я (= тоталитаризм, а, впрочем, и индивидуализм). Человечество может обойтись без отдельного Я, но оно не может обойтись без того, чтобы человек не выходил на сверхчеловеческое, то есть без свободной индивидуальности как идеальной тотальности.

Человечество хочет быть не только формальным сознанием, но и реальной субстанцией (цивилизацией *homo sapiens*), а точнее даже, всем миром, но это невозможно без дочеловеческого. И, видимо, сознание при этом не гасится, не подменяется полностью общественной субстанцией, оно сохраняет связку дочеловеческого-сверхчеловеческого и тем самым обнаруживается в своей истине. То есть сознание, конечно, не может держать связь бытия с миром для этого нужна вся материальная и духовная культура — но оно есть вектор дочеловеческого-сверхчеловеческого, внутренняя форма обобществленного человечества, чистая возможность человека, его скрытая сила.

Чем больше общество (=государство как империя, как США или ТНК) посягает на то, чтобы быть всем миром, тем острее встаёт проблема истоков и перспектив человека, т.е. дочеловеческого и сверхчеловеческого, проблема человека в целом.

В сознании можно выходить от бытия в мир (объективация), но в той же мере можно и сводить мир к бытию (субъективация). То есть в мире человек ещё не открывается, а толь-

ко приоткрывается, раскачивается из бытия в субъективности и объективности. Мир, конечно, нарушает равновесие сознания, но не он есть самоцель человека, не он есть сверхчеловеческое. Мир порождает человека и в то же самое время сам нуждается в доразвитии в сверхчеловеческом. «Человек — существо, посредством которого существует мир»³⁵. Поэтому, когда говорится об открытии человека как бытия-в-мире, то имеется в виду не наличный мир, а мир идеального. Сам по себе мир — это колыбель самопознания человека, благодатное обстояние его бытия, а в конечном счёте — крылья надежды, на которых он взлетает к сверхчеловеческому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.